

ACTA  
LINGUISTICA  
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS  
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. VIII, part 1

Edited by N. N. Kazansky



St. Petersburg  
Nauka  
2012

# АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA

ТРУДЫ  
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том VIII, часть 1

Ответственный редактор Н. Н. Казанский



Санкт-Петербург  
Наука  
2012

УДК 81  
ББК 81.2  
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Изд-во «Наука», 2003.

Т. VIII. Ч. 1. Fenno-Lapponica Petropolitana / Отв. ред. Н. В. Кузнецова. — 2012. — 620 с.  
ISBN 978-5-02-038302-9

### РЕДКОЛЛЕГИЯ

«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),  
чл.-корр. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук, проф. Н. Б. Вахтин,  
д. филол. наук М. Д. Воейкова, чл.-корр. РАН Е. В. Головки,  
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),  
д. филол. наук, проф. С. А. Мызников,  
к. филол. наук А. П. Сытов, д. филол. наук, проф. В. С. Храковский

### РЕДКОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

Н. В. Кузнецова (отв. ред.), Вяч. С. Кулешов, М. З. Муслимов

Оригинал-макет: Н. В. Кузнецова

В сборнике представлены труды по фонологии, социолингвистике, топонимике, семантике, синтаксису и морфологии прибалтийско-финских и саамских языков. Основное внимание уделяется идиомам Ингерманландии. Сборник адресован специалистам по финно-угорским языкам, лингвистической типологии, социолингвистике и культурной антропологии.

Издание подготовлено при поддержке РФНФ, грант № 11-04-00172а «Системное описание фонологии, морфонологии и синтаксиса прибалтийско-финских языков Ингерманландии», НОЦ ИЛИ РАН «Языковые ареалы России», Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», Программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых».

ISBN 978-5-02-038302-9

© Коллектив авторов, 2012

© ИЛИ РАН, 2012

© Редакционно-издательское оформление.

Издательство «Наука», 2012

*М. З. Муслимов*

## «НАРОДНАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ» В НИЖНЕЛУЖСКОМ АРЕАЛЕ<sup>1</sup>

— *Хорошо, оставим это, — поспешно сказал я. — Вы иностранец?*  
— *Очень, — сказал он. — В большой степени.*  
— *Вероятно, швед?*  
— *Вероятно. В большой степени швед.*  
(*А. Н. и Б. Н. Стругацкие. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста»*)

### 1. Введение

Существует «разница между тем, как люди **используют** язык, и тем, что они **думают** о своем языковом поведении» [Брайт 1975: 37]. Последняя область получила название «народная лингвистика» [Hoeningwald 1966] (цит. по [Брайт 1975: 37]; ср. также термин «народное языковое планирование» [Golovko 2003]). Тем самым изучение «народной диалектологии» должно проводиться социолингвистическими методами, и она не должна смешиваться с научной диалектологией.

В настоящей статье мы рассмотрим представления наших информантов о диалектном членении нижнелужского ареала. Этот ареал примерно совпадает с территорией довоенного лютеранского прихода Narvusi в Западной Ингерманландии. Для данного района характерна значительная диалектная неоднородность, так как на сравнительно небольшой территории представлено несколько близкородственных прибалтийско-финских идиомов: нижнелужский ижорский диалект, курголовский финский диалект, два западно-

---

<sup>1</sup> Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ (проект 08-04-00152а «Диалектный атлас Ингерманландии»), гранта ACLS «Documentation of Finnic Dialects of Ingria: Ingrian Dialectal Atlas», а также программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Взаимодействие языков малочисленных народов России с русским языком (тексты и материалы)».

водских говора (кракольский и лужицкий)<sup>2</sup>. Некоторые деревни данного ареала являются или являлись в недавнем прошлом двуязычными<sup>3</sup>, например, Ванакюля<sup>4</sup>, Калливере, Краколье, Курголово, Федоровка и др. Это приводило к возникновению смешанных ижорско-финских или ижорско-водских идиолектов. Носители местных прибалтийско-финских языков (ПФЯ) хорошо осознавали эту неоднородность, что находило отражение в существовании многочисленных локальных «народных» классификаций данных идиомов.

Полевой материал, анализируемый в данной статье, был в основном собран в 1999–2004 гг. Нашими информантами были около 80 носителей ижорского, 30 носителей водского и 60 носителей финского языков<sup>5</sup>.

Отметим, что во время Второй мировой войны (в 1943 г.) почти все носители ПФЯ нижнелужского района были депортированы в Финляндию<sup>6</sup>, а в послевоенные годы многие жили в Эстонии. В настоящее время большое число местных жителей уезжает на зиму в Эстонию и живет в своих деревнях только летом.

---

<sup>2</sup> Ранее на этой территории проживали также носители эстонских говоров (см., в частности, [Kõrren 1967; Мусаев 2009]); в настоящее время эстонские идиомы здесь практически утрачены.

<sup>3</sup> Речь идет только о прибалтийско-финских языках, и наличие русского языка не учитывается, так как это не актуально для данной темы.

<sup>4</sup> Альтернативные варианты русских названий поселений, а также их названия на прибалтийско-финских языках см. в Приложении 4.

<sup>5</sup> Более точно — носители нижнелужского ижорского диалекта, западноводского диалекта и нижнелужского ингерманландского финского диалекта. Ссылки на информантов даются ниже в следующем формате: индекс информанта, пол, сокращенные обозначения места рождения и нынешнего/последнего места проживания (более подробные сведения см. в Таблицах 1–2 в Приложении 3). Расшифровку сокращений названий нижнелужских деревень см. в Приложении 4. Примеры на прибалтийско-финских языках, за исключением цитат из источников, даются в упрощенной фонетической транскрипции (см. Приложение 7). Примеры, взятые из печатных публикаций, приводятся в оригинальной транскрипции. Словоформы на литературных финском и эстонском языках записаны в стандартной орфографии соответствующего языка.

<sup>6</sup> Жители ряда деревень (Куровицы, Орлы, Ванакюля, Кейкино) избежали депортации, спрятавшись на время акции в лесу.

Кроме того, на большей части нижнелужского ареала с 1990-х гг. стало доступно теле- и радиовещание из Финляндии и Эстонии<sup>7</sup>. Поэтому практически все прибалтийско-финское население этого ареала в той или иной степени соприкасалось с литературными финским и эстонским языками. Однако в разных районах интенсивность этих контактов была несколько различной. Русский язык хорошо известен во всех деревнях и оказал примерно одинаковое существенное воздействие на все местные ПФЯ. В дальнейшем влияние русского языка на эти идиомы специально не оговаривается.

Для удобства изложения мы сгруппируем материал по нескольким контактными зонам (см. также Карту 4 в Приложении 6), представленным в разделах 1.1–1.7.

### *1.1. Курголовский полуостров*

Здесь относятся деревни Кирьямо, Гакково, Конново, Тисколово, Курголово, Липово, Выбье, Остров и уже не существующие Кайболово, Вейно, Хамолово, Глубокий ручей, Дом рыбака<sup>8</sup>.

Во всех деревнях этого района, за исключением деревень Липово, Остров и Хамолово, до Второй мировой войны преобладали финны, в Липове, Хамолове и Острове — ижоры; значительная группа ижор существовала и в Курголово. Следует отметить, что ижорский говор Липова несколько отличается от говора Острова, обнаруживая при этом больше черт, общих с сойкинским диалектом ижорского языка. Материал по говорам Хамолова и Курголово указывает на значительно более сильное влияние соседних финских говоров на местный ижорский язык, вплоть до формирования смешанных ижорско-финских идиолектов. Для данного района характерны контакты между финским (литературным языком и нижнелужским диалектом) и ижорскими языками. При этом позиции финского языка здесь традиционно были прочнее, чем

---

<sup>7</sup> С 2007 г. финское радио и телевидение полностью перешли в цифровой формат и снова стали недоступны для большинства жителей Ингерманландии.

<sup>8</sup> Здесь и далее для каждого района указываются только те деревни и хутора, о которых у автора имеется какая-либо социолингвистическая информация. Более полные списки населенных пунктов по районам см. в Таблице 1 Приложения 4, а также на Карте 4 Приложения 6.

позиции ижорского. Воздействие литературного финского на местные говоры было достаточно сильным и существенно превышало влияние литературного эстонского языка. Это обусловлено преподаванием финского в школах в 1930-е гг., принадлежностью большей части местного населения к лютеранской церкви<sup>9</sup>, а также высокой престижностью литературного финского для многих местных жителей (часто превышающей престижность их собственных говоров).

### *1.2. Район деревни Большое Куземкино*

Здесь относятся деревни Струпово, Новая Деревня (образована выходцами из дер. Остров), Большое, Малое и Новое Куземкино, Ропша, Волково, Ударник и уже не существующие Коровино, Преображенка, Мундировка, хутор Каменка, мыза Приречье.

Почти во всех деревнях этого района жили и ижоры, и финны. В одних деревнях преобладали ижоры, в других финны, однако их численность была сопоставима, и контакты между местными финским и ижорским языками здесь были особенно интенсивными. Деревня Большое Куземкино являлась также центром лютеранского прихода Narvusi и административным центром волости (ранее сельсовета), что обусловило интенсивные контакты жителей данного района со всеми остальными нижнелужскими районами. В 1930-е гг. в школах этого района преподавали ижорский язык. Воздействие литературного финского и эстонского на местные языки здесь было примерно одинаково сильным — с одной стороны, многие жители уезжают на зиму в Эстонию, с другой стороны, здесь находится лютеранский финноязычный религиозный центр.

---

<sup>9</sup> Ингерманландские финны традиционно были лютеранами, в отличие от православных ижор и води. Во время лютеранских богослужений использовался литературный финский язык, и пасторы часто были финнами из Финляндии. Лютеранский приход с центром в Б. Куземкине, обслуживающий прихожан района Нижней Луги, существовал с XVII в. до 1935 г. и был вновь открыт в 1990 г. Лютеранские богослужения на дому в настоящее время проводятся в деревнях Конново и Выбье. Следует отметить, что с 1990-х гг. до настоящего времени лютеранские богослужения посещала и часть местных ижор (в т. ч. из Б. Куземкина и Ропши), поскольку лютеранская церковь была для них единственной в пределах пешей доступности и языком богослужения в ней был финский.

### 1.3. Район деревни Кейкино

Сюда относятся деревни Кейкино, Федоровка, Извоз, Дальняя Поляна, Орлы и Манновка. В большинстве деревень финское население было незначительным или вообще отсутствовало, и преобладало ижорское население. Все же определенные контакты с местным финским существовали, поскольку финны проживали в дер. Федоровка. По данным П. фон Кёппена [Körpen 1867] и переписи 1897 года, в этой деревне жили как финны, так и ижоры, причем финны составляли около 90% населения.

Среди других нижнелужских деревень для жителей данного района лучше всего были известны дер. Куровицы, район дер. Б. Куземкино и долина р. Россони, в то время как более северные курголовские и водские деревни были знакомы им довольно плохо. Влияние литературного эстонского языка в данном районе, по-видимому, имело большее значение, чем влияние литературного финского. Лютеранское население было здесь небольшим; одновременно с послевоенного времени многие местные жители живут зимой в Эстонии и приезжают в свои деревни только летом. В 1930-е гг. в школах здесь преподавали ижорский язык, однако некоторые информанты сообщают о наличии финской школы в дер. Федоровка.

### 1.4. Долина реки Россони (Эстонская Ингерманландия)

Все деревни данного района с 1920-го по 1940-й год входили в состав Эстонии (поэтому территория известна как *Эстонская Ингерманландия*, фин. *Viron Inkeri*, эст. *Eesti Ingeri*). Большинство поселений были смешанными, в них проживали как ижоры, так и финны. Преимущественно ижорскими были дер. Ванакюля, Венекюля, Саркюля. Преимущественно финскими были дер. Калливере, Ханике, не существующие в настоящий момент Куллакюля, Арсия<sup>10</sup>, основанные после 1920-го г. Новая Ропша, Новая Арсия,

---

<sup>10</sup> В 1920 г. единая деревня Мертвица /*Kullakülä* оказалась разделена на две части — поселение по левому берегу р. Мертвицы отошло к Эстонии и стало называться *Куллакюля*, а поселение по правому берегу — к России, и за ним закрепилось русское название *Мертвица*. Дер. Арсия (Arsiansaari), находящаяся на берегу Россони, также осталась на российской стороне. Тем не менее, по-видимому, обе эти пограничные деревни (Мертвица и Арсия) сохраняли тесный контакт именно



Новая Федоровка, а также ряд окрестных хуторов. В целом в 1920-е гг. финны по численности составляли примерно треть населения этого района [Mägiste 1923b]. В настоящее время многие носители прибалтийско-финских языков в данном ареале говорят на смешанных ижорско-финских идиолектах.

В 1920–1940-х гг. в местных школах преподавался эстонский язык, однако финны дер. Калливере добились открытия и классов на литературном финском. В настоящее время большинство местных ижор и финнов уезжает на зиму в Эстонию. В целом в этом районе влияние литературного эстонского языка было особенно сильным и существенно превышало влияние литературного финского.

В этом же ареале находится и русскоязычная деревня Коростель, где преподавание всегда велось на русском языке. Следует также отметить, что жители деревень Венекюля и Саркюля, где еще в 1920-е гг. было наиболее многочисленное ижорское население, сейчас помнят лишь отдельные ижорские слова. По-видимому, это связано с активным стремлением самих жителей этих деревень к переходу на русский язык, которое связано, в частности, с деятельностью общества «Заря» (см. также [Mägiste 1923a, 1923b; Laiho 1940]). Что касается примыкающих к современной эстонской границе дер. Одрасаре и исчезнувшей дер. Смолки, то об этническом составе их населения не имеется точных сведений.

### *1.5. Район деревень Краколье и Лужицы*

Здесь относятся деревни Лужицы (Нижние и Средние) и Пески (в настоящий момент все они составляют единую деревню Лужицы), Краколье, а также Межники и уже не существующие Верхние Лужицы.

Для этого района характерно, в первую очередь, взаимное влияние водского и ижорского языков. Краколье было разделено на две части (*Heřvalt* и *Kunigvalt*), первая из которых считалась ижорской, а вторая — водской. Межники были основаны выход-

---

с деревнями Эстонской Ингерманландии, поэтому мы относим их к данному ареалу. При этом деревни Волково и Мундировка, а также мыза Приречье, также находившиеся на Россони, но уже в нескольких километрах от границы, ближе к Луге, такого контакта с Эстонской Ингерманландией не имели и были отнесены нами к району Б. Куземкина.

цами из Краколя, и среди жителей этой деревни были носители как водского, так и ижорского языков. Последняя компетентная носительница водского языка в Межниках умерла в середине 1990-х годов. Однако еще в 2003 году в деревне была женщина, которая помнила некоторые водские слова, хотя и не могла беседовать на этом языке. В Песках и Лужицах наряду с местным водским населением было заметное количество ижороязычных выходцев с Сойкинского полуострова. Это привело к распространению ижорского языка и в этих двух поселениях. Следует отметить, что ижорские идиолекты данных деревень в большинстве случаев можно отнести скорее к нижнелужскому диалекту, хотя они часто содержат и сойкинские черты. Верхние Лужицы, по данным П. фон Кёппена [Кёппен 1867], в середине XIX века были водской деревней, однако в настоящее время все выходцы из этой деревни говорят на особом ижорском говоре, имеющем и сойкинские, и нижнелужские черты.

Жителям всех вышеуказанных поселений были хорошо известны ижорские деревни Сойкинского полуострова на северо-востоке и финские и ижорские деревни за Лугой на западе (в первую очередь Выбье (финская) и Остров (ижорская)), а также некоторые нижнелужские деревни, находящиеся южнее (особенно Б. Куземкино и Куровицы). В 1930-е гг. ижорский язык преподавался в местных школах (как ижоре, так и води). Помимо военных и послевоенных контактов с литературными языками Эстонии и Финляндии, отметим, что в настоящее время деревни района Краколя–Лужиц регулярно посещаются эстонскими и финскими лингвистами. В данном районе, таким образом, достаточно хорошо известны водский, ижорский, финский (ингерманландский нижнелужский диалект и литературный язык) и эстонский языки.

### *1.6. Деревня Куровицы*

В этой деревне<sup>11</sup> был распространен особый смешанный ижорско-водский говор. При этом почти всем его современным носителям в определенной степени известен и ижорский говор соседней деревни Орлы. В речи жителей Куровиц конкурируют куровицкие и орловские формы (см. Таблицу 7), при этом про-

---

<sup>11</sup> А также, по-видимому, в прилегающих к ней хуторах Грабловка, Вареве, Номме.

порциональное соотношение этих форм зависит от информанта. Следует отметить, что встречающиеся в литературе утверждения о смерти данного говора [Адлер 1966; Хейнсоо 1995; Конькова 2009] не соответствуют действительности и основаны, по-видимому, на некритическом пересказе авторами наблюдений П. Аристе середины 1950-х годов, когда значительная часть жителей Куровиц еще не вернулась в свою деревню. Автору известны, по крайней мере, несколько носителей куровицкого идиома (см. также Таблицу 7). Подробнее о лингвистических особенностях этого идиома см. в [Suhonen 1985; Рожанский, Маркус 2007].

Контакты местных жителей с литературными эстонским и финским языками в основном обусловлены военными и послевоенными событиями. Кроме того, до конца 1930-х гг. эстонцы проживали на хуторах около Куровиц. По словам информантов, в местной школе в 1930-е гг. преподавали только русский язык.

### *1.7. Деревня Дубровка*

Эта деревня отделена от ближайших ижорских<sup>12</sup> и финских деревень русскими деревнями; к востоку от нее располагались немецкие колонии. Говор Дубровки резко отличается от всех других говоров Нижней Луги. Это финский говор, который подвергся сильному влиянию эстонского и водского языков. Кроме того, ряд черт объединяет его с финскими и ижорскими диалектами к востоку от нижнелужского ареала.

По-видимому, в XIX веке территория распространения этого говора была больше. Согласно данным П. фон Кёппена на 1848 год [Körpen 1867: 86], а также изданию [Оценочно-статистическое 1904], финны проживали также в соседних деревнях Сала, Анновка и Пулково, где было смешанное русско-финское население с преобладанием русских. Сама Дубровка до начала XX в. была почти чисто финской деревней, однако, по переписи 1926 г., русские составляли уже почти половину населения. В 1973 г. территория этой деревни отходит к заводу «Фосфорит», и жители переезжают в пос. Первое Мая, города Кингисепп, Ивангород и Нарву. В начале 2000-х годов на территории исследуемого района только

---

<sup>12</sup> Кроме ижорских деревень на берегах р. Луги к северо-западу от Дубровки, следует еще упомянуть дер. Комаровка к западу от нее, которая в середине XIX века была ижорской [Körpen 1867].

3 человека (2 — в Ивангороде, 1 — в Кингисеппе) в какой-то степени владели данным говором.

Судя по имеющимся данным, для этой деревни было особенно характерно воздействие на местный говор литературного эстонского языка (исторические контакты с Нарвой, послевоенная эмиграция в Эстонию). Влияние литературного финского языка проявилось гораздо слабее. Финский язык преподавали в 1930-е гг. в школе, однако в Финляндию во время войны местные жители вывезены не были [Krukov 2007].

## 2. Лингвонимы и этнонимы, известные в нижнелужском ареале

Важной особенностью лингвонимов и этнонимов нижнелужского ареала является несовпадение языковых и этнических классификаций, представленных в русском языке данного ареала и в местных ПФЯ.

Если интервью берется на русском языке, то информантами упоминаются следующие этнонимы: *ижоры, финны, водь, эстонцы, ингерманландцы, русские*. Следует отметить еще существование термина *талапанцы*, который может употребляться по отношению как к води, так и к ижорам, и, по словам некоторых информантов, имеет оттенок пренебрежения. При этом далеко не все жители Нижней Луги знают этноним *водь*. Кроме того, не все информанты могут четко разграничить этнонимы *ижоры, ингерманландцы* и *финны*.

Если интервью берется на каком-либо местном ПФЯ, то информанты используют следующие этнонимы:<sup>13</sup> *ižorad/ižorlai-*

---

<sup>13</sup> Здесь и далее в тех случаях, когда речь идет о нескольких местных ПФЯ и язык примеров специально не уточнен, словоформы по умолчанию даются в одном из нижнелужских ижорских вариантов. Другие ижорские варианты, а также водские и финские варианты имеют незначительные фонетические и фонологические отличия от приводимых. В тех случаях, когда язык примера отдельно указывается, в круглых скобках приводится помета: (вод.) — водский, (иж.) — ижорский, (фин.) — финский, (эст.) — эстонский или (кур.) — куровицкий. В случае, когда в примере представлено переключение кодов или интерференция (смешение кодов), список идиомов, участвующих в них, приводится через косую черту в порядке появления идиомов в примере: (рус./вод./иж.) и т.д. В тех случаях, когда пример может быть отнесен

*sed* ‘ижоры’, *sōmalaised* ‘финны’, *vadjalaised* ‘вожане’, *virolaised/ēstiläised* ‘эстонцы’, *inker(i)läised* ‘ингерманландцы’, *venäläised/vellaised* ‘русские’.

Нужно особо подчеркнуть, что объемы указанных понятий в русском и местных ПФЯ **не совпадают**, и, более того, могут различаться у разных информантов. В последующих разделах мы рассмотрим подробнее случаи таких несовпадений, а также установим соответствия между различными локальными системами классификации.

С этнонимами связаны и лингвонимы, то есть те термины, которые используют информанты, чтобы обозначить тот или иной язык. И в этом случае нет взаимно-однозначного соответствия между русскими и прибалтийско-финскими лингвонимами. Кроме того, в некоторых идиолектах и речевых ситуациях взаимно-однозначное соответствие может отсутствовать между этнонимами и лингвонимами, даже если они принадлежат одному и тому же языку. Например, информант может назвать себя *ингерманландцем*, свой язык — *финским*, при этом утверждать, что говорит *по-ижорски*.

Приведем список соответствующих лингвонимов на русском языке и ПФЯ: *ижорский язык/izor(k)an kēli*, *финский язык/sōmen kēli*, *водский язык/vadjan kēli*, *эстонский язык/viron kēli* ~ *ēsti kēli*, *ингерманландский язык/inkerin kieli*, *русский язык/vennän kēli*. Следует отметить чрезвычайно редкое употребление термина *ингерманландский язык*, вместо которого обычно употребляется *ижорский язык*. Одновременно термин *inkerin kieli* является обычным лингвонимом для нижнелужского финского (как правило, в речи ингерманландских финнов).

Производными от вышеперечисленных лингвонимов ПФЯ являются их транслативные формы, функционально соответствующие русским *по-ижорски*, *по-фински* и т.д., например, *sōme-ks(i)* <финский-TRL> ‘по-фински’. При этом в местных ПФЯ может выступать еще одна форма, для которой нет адекватного русского соответствия: *mā-ks(i)* (иж., фин.)/*mā-ssi* (вод.) <земля-TRL> ‘по-местному’. Эта форма была зарегистрирована и в 1930-е

---

более чем к одному языку, эти идиомы перечисляются через запятую: (иж., фин.) и т.д.

годы; по наблюдениям Л. Пости, форма *māks(i)/māssi* может относиться к любому местному языку, кроме русского и эстонского [Posti, Suhonen 1980: XVIII]. Следует отметить, что некоторые информанты могут относить этот лингвоним не только к местным ПФЯ, но и к говорам Центральной Ингерманландии:

- (1) *miu-l nīnta* интересно, что *mā-ks* *lāt-ā nod*  
 я-AD так земля-TRL говорить-IPS  
*Ленинградом*  
 ‘Мне так интересно, что *māks* говорят под Ленинградом’  
 [VPVж, Ко, Нv] (иж./рус.).

При этом информанты подчеркивают свое удивление тем, что язык, на котором говорят в Центральной Ингерманландии, оказывается таким похожим на их собственный идиом (ижорский или финский). Это контрастирует с оценкой нашими информантами финского литературного языка — в этом случае обычно акцентируют внимание на отличии говора родной деревни от последнего.

Помимо формы *māssi*, фиксировалась и форма *mā čēli* (вод.) <земля:GEN язык> ‘местный язык’:

- (2) *vad'd'ā* *tšēl-t* (*ema-s tšēl-t*)  
 водский:GEN язык-PART свой-P3 язык-PART  
*vad'd'ēlaize-t kutsu-ta mā tšēle-ssi*  
 вожанин-PL называть-IPS земля:GEN язык-TRL  
 ‘Водский язык (свой язык) вожане называют *mā čēli*’  
 [Tsvetkov 1995: 171] (вод.).

Формы *māks(i)* (иж., фин.)/*māssi* (вод.) и *mā čēli* (вод.) можно сравнить и с употреблявшимися раньше эстонскими *maa keel* <земля.GEN язык> ‘эстонский язык’, *maa rahvas* <земля.GEN народ> ‘эстонцы’ [Каск 1966: 35], а также с лингвонимами *просты язык*, *на просту*, которые употребляются в литовско-белорусском пограничье по отношению к особому варианту белорусского языка, отличающемуся от литературного [Чекмонас 1988].

Кроме того, в работе [Posti, Suhonen 1980: XVIII] отмечается также куровицкий лингвоним *me-jjē vīsī* <мы-PL.GEN способом> ‘по-нашему’.

### 3. Глаголы речи

В местных ПФЯ и в литературных финском и эстонском языках глаголу *говорить* соответствуют разные лексемы, этимологически не сводимые друг к другу. Вследствие этого они тоже могут использоваться как своего рода языковой маркер. Например, фраза *Miä<sub>ив</sub> pajatä<sub>в-н<sub>ив</sub></sub>, a<sub>ив</sub> siä<sub>ив</sub> läkkä<sub>и-д<sub>ив</sub></sub>* переводится так: ‘Я говорю по-водски, а ты говоришь по-ижорски’. Буквально же она значит: <я говорить-1SG а ты говорить-2SG> ‘Я говорю, а ты говоришь’ (подстрочные индексы обозначают язык морфемы: и — ижорский, в — водский, ив — ижорский и водский).

Перечислим известные в нижелужском ареале глаголы речи с указанием языков (приводятся фонетические варианты инфинитива ‘говорить’ и отглагольного имени ‘говорение, речь’):

- (3) водский — *pajattä ~ pajatta, pajattamin ~ pajattämin*;  
 ижорский — *lätä ~ lät(ə), läkkämin ~ läkkämin*;  
 нижнелужский финский — *hästä ~ hästa, hästamin ~ hästämin*;  
 эстонский — *rääkida, rääkimine*;  
 литературный финский — *puhua, puhuminen*.

Все эти глаголы могут употребляться (в соответствующих языках и говорах) примерно в тех же контекстах, что и русский глагол *говорить*. Например, соответствующий водский глагол может употребляться и в контекстах вида ‘говорить по-немецки’, ‘говорить по-русски’, ср. (4):

- (4) *tunne-t-ko pajatta saksà?*  
 знать-2SG-Q говорить.INF немецкий.PART  
 ‘Ты умеешь говорить по-немецки?’  
 [Tsvetkov 1995: 283] (вод.).

Однако в контексте ‘говорить на местном ПФЯ’ будет употреблен глагол из соответствующего ПФЯ. Так, в водскоязычном примере (5) использована основа ижорского глагола ‘говорить’ (помечена индексом «и»), которая при этом оформлена морфологическим показателем, содержащим чередование *s : z* водского типа (помечен индексом «в»):

- (5) *emä-ka miä läkä<sub>и</sub>-zi<sub>в</sub>-n<sub>ив</sub>, a izä-ka*  
 мать-COM я говорить-PST-1SG а отец-COM  
*pajat-i-n*  
 говорить-PST-1SG  
 ‘С матерью я говорил по-ижорски, а с отцом — по-водски’  
 [PMFм, Jo, Jo] (вод./иж.).

Наиболее известными на Нижней Луге являются первые три глагола (см. также Карту 1). Следует иметь в виду, что между данной классификацией и классификациями по этнонимам и лингвонимам также не существует взаимно-однозначного соответствия.

Необходимо отметить, что некоторые информанты аналогичным образом употребляют и русский глагол *говорить*:

- (6) *arvo hã sã-b keik, a говорить — он*  
 понимание.PART он получать-3SG все  
*говорит*  
 ‘Понимает он всё, а говорить — он говорит по-русски’  
 [OPLж, Lu, Ивангород] (иж./вод./рус.).
- (7) *hän pajatë-b, a me-jje lapse-d kai говорят*  
 он говорить-3SG а мы-PL.GEN ребенок-PL все  
 ‘Он говорит по-водски, а наши дети все говорят по-русски’  
 [PJKж, Li, Li] (иж./вод./рус.).

У некоторых информантов, живущих постоянно за пределами своих родных деревень, эта система начинает разрушаться. В примере (8) указание на водский язык сочетается с ижорским глаголом речи:

- (8) *isä, emä vad'd'à lä̃t-ti*  
 отец мать водский.PART говорить-IPS.PST  
 ‘Отец, мать по-водски говорили’  
 [OPLж, Lu, Ивангород] (вод./иж.).

*Примечание.* Похожим образом глаголы речи могут употребляться и в Центральной, Восточной и Северной Ингерманландии, где известны следующие варианты:

*huastâ* — вся Восточная Ингерманландия (приходы Järvisaari, Markkova), а также восточная часть Северной Ингерманландии (приходы Kelto, Rääruvã, Toksova, Lempaala);



*hāstà* — северо-запад Ингерманландии (приходы Valkeasaari, Naarakangas), а также финские говоры Сойкинского полуострова и приходов Kaprio, Kattila и Novasolkka;

*luatì* — почти вся Центральная Ингерманландия;

*lātì* — говоры приходов Moloskovitsa, Turö и окрестностей пос. Сиверский;

*uhota* — sporadически встречается в приходе Vuole.

Следует отметить, что большинству наших информантов из Центральной, Восточной и Северной Ингерманландии неизвестны нижнелужские глаголы речи, а наиболее частотной оппозицией является *huastà* vs. *luatì*, противопоставляющая «токсовских» или «колтушских» «гатчинским», «колпинским» или «павловским».

В следующих разделах мы более подробно опишем, какие лингвонимы и этнонимы используются в каждом из выделенных нами нижнелужских подаралов.

#### 4. Обзор отдельных районов нижнелужского ареала

##### 4.1. Курголовский полуостров

Для данного района наиболее релевантны оппозиции «финны vs. ижоры», *lātä* vs. *hāstà* и «лютеране vs. православные» (в большей степени для местных ижор), а также «ингерманландский vs. литературный финский» (главным образом для курголовских финнов). Многие информанты, в основном ижоры, также противопоставляют себя нижнелужским вожанам.

В финских деревнях Курголовского полуострова (Кирьямо, Гакково, Выбье, Конново, Тисколово) обычно не отмечают каких-либо различий между отдельными говорами местных финских деревень. Оценка же местными финнами говоров деревень Липово, Остров, Куземкино может варьировать. Информанты могут отделять эти говоры от финского языка, либо же (реже) они не будут отмечать различия между ижорскими и финскими говорами. Все информанты указали на различие между своим идиомом и финским языком Финляндии. Для своего идиома мог употребляться лингвоним *inkerin kieli* 'ингерманландский язык', для финского литературного языка — *suomen kieli* 'финский язык'. Последний лингвоним при этом может употребляться и для курголовского финского. Некоторые информанты оценивали курголовский финский как «смешанный язык»/«*sekakieli*», «смесь

финского с эстонским». Такая оценка, по-видимому, обусловлена наличием в курголовском финском, как и во всех нижнелужских идиомах, значительного количества водской субстратной лексики. Большая часть подобной лексики находит этимологические параллели в эстонском, но не в финском литературном языке. Поэтому информанты оценивают ее как заимствования из эстонского языка. Похожая оценка информантами своего родного ингерманландского финского говора как смеси финского и эстонского встречается также и восточнее, в приходе Moloskovitsa.

Говоры соседних ижорских и водских деревень оценивались жителями курголовских финских деревень по-разному. Для говора Липова финнами употреблялся лингвоним *ijorin kieli* ‘ижорский язык’. Среди остальных деревень обычно выделялись деревни Хамолово, Остров, Краколье и Б. Куземкино, причем оценка близости этих говоров к курголовскому финскому колебалась, в зависимости от информанта. В целом наиболее распространенной является оценка говора Хамолово как ижорского или смешанного, говора Б. Куземкина как финского или смешанного, а говоров Краколя и Острова как ижорских.

Следует особо упомянуть и об употреблении русскоязычных лингвонимов *ижорский язык* и *финский язык*. Некоторые информанты, например ЛУж (Нк, Нк), характеризуют как *ижорский язык* и свой курголовский диалект, противопоставляя его финскому литературному языку.

Этнонимы *vatjalaiset* (фин.) ‘вожане’ и *soikkolaiset* (фин.) ‘сойкинцы’ известны некоторым финским информантам и связываются с Сойкинским полуостровом. Противопоставление языков по глаголам речи выражено здесь довольно слабо. В наших материалах это зафиксировано только у информантов, поддерживающих особо тесные связи с ижорами или вожанами. Любопытно, что такие информанты по отношению к говору дер. Хамолово употребляют глагол *hāstā*. Следует отметить, что этот глагол не используется по отношению к финскому литературному языку.

Здесь известны шуточные прозвища жителей отдельных деревень: *Kirjamon arestantit* ‘кирьямские арестанты’, *Konnun jūtalaiset* ‘конновские евреи’, *Kiskalan seukot* ‘тисколовские кузены’. Это, на наш взгляд, свидетельствует о существовании узких локальных идентичностей (identities), маркерами которых и явля-

ются данные прозвища. Аналогичная ситуация существовала и во многих других частях нижнелужского ареала (см. ниже), а также в прочих районах Ингерманландии.

Говоря о финских деревнях Курголовского полуострова, следует упомянуть и о тех проживающих в них информантах, которые родились в Центральной Ингерманландии (приходы Курани́тса, Spankkova и Тугö). Все они обращают внимание на большие языковые различия между отдельными деревнями в нижнелужском регионе, ср. (9):

- (9) *У нас все говорили одинаково, а тут в соседней деревне уже другой язык*  
[АКм, Vt (приход Spankkova), Vp].

Некоторые информанты противопоставляли по глаголам речи свой родной говор и курголовский финский: например, *lāti* по отношению к тюрёскому, *hāstā* — по отношению к курголовскому [NAMж, Tr (приход Тугö), Ki].

Весьма интересна ситуация в ижорской деревне Липово. Как правило, местные жители проводят границу между говором своей деревни и языком финских деревень Курголовского полуострова. При этом никакого различия, за редкими исключениями, между говорами отдельных финских деревень не делается. В таких случаях для финского языка местными ижорами используется лингвоним *sūmen kīli* ~ *sōmen kēli*, для ижорского языка — *īžorin kīli* ~ *kēli*, себя жители Липова называют *īžorid* или *īžorilaised* ‘ижоры’. Некоторые информанты отмечают и большие языковые отличия от говоров Краколя, Песков, Лужиц, где живут *vadjalaised* ‘вожане’. Однако в некоторых случаях по отношению к своему липовскому говору могут употребляться и такие лингвонимы, как *sūmen kīli* ~ *sōmen kēli* ‘финский язык’, *vennān kīli* ~ *kēli* ‘русский язык’, в то время как в русской речи тех же информантов употребляется только лингвоним *ижорский язык*. Одна информантка употребила лингвоним *ижорский язык* по отношению ко всем локальным говорам в окрестностях Усть-Луги, включая финские и водские. Противопоставление языков по глаголам речи здесь выражено сильнее, чем в местных финских деревнях: глагол *lātā* характеризует говор Липова, глагол *hāstā* — говоры финских деревень от Курголова до Струпова.

В Острове ижоры не делают различий между говорами деревень Липово, Остров, Струпово, Б. Куземкино. При этом информанты особо выделяют говоры района Краколя и Куровиц, а также финские говоры Курголового полуострова. Известно и противопоставление по глаголам речи, причем здесь употребляется три глагола: *hāstā* (характеризует говоры финских деревень, включая Курголово и Выбье), *lātā* (характеризует говоры дер. Остров и Липово) и *pajattā* (характеризует говор дер. Лужицы).

Крайне противоречивы сведения о деревне Курголово. Один информант, родившийся в этой деревне, указал на ее смешанный характер, ср. (10):

- (10) *Четыре семьи были, православные, ижоры, остальные все финны*  
[VPKM, Kur, Jo].

Остальные информанты могли охарактеризовать Курголово и как финскую, и как ижорскую деревню.

Единственная информантка ЗПЖ (Hm, Kur) из не существующей ныне деревни Хамолово считает свой язык смешанным, «наполовину ижорским, наполовину финским», но все-таки ижорским. Говор дер. Липово характеризуется ею как ижорский, говор дер. Курголово — как финский, язык дер. Пески — как *vad'd'an kieli*. Следует иметь в виду, что эта информантка некоторое время прожила в дер. Пески.

#### 4.2. Район деревни Большое Куземкино

Для этого района наиболее релевантны противопоставления «ижоры vs. финны», «ижорский язык vs. финский язык», а также *lātā* vs. *hāstā*, «православные vs. лютеране». Многие информанты также отмечают сильное отличие от своего языка говоров дер. Куровицы и деревень района Краколя.

Информанты из М. Куземкина основной для своей деревни считают разницу между финским и ижорским языками. На вопросы о языке других финских или ижорских деревень они отвечают, что их язык «такой же, как наш». Небольшие отличия между отдельными финскими или ижорскими говорами не замечаются, и все внимание оказывается сосредоточенным на разнице между языками финнов и ижор. Некоторые информанты объясняют различия в языке вероисповеданием.

В Б. Куземкине информанты дают более дробную классификацию. В качестве самого близкого говора они указывали говор Ропши. Также отмечалась близость к собственному говору идиомов деревень Струпово, М. Куземкино, Волково, Орлы и Ванакюля. Все информанты указали на сильные отличия от своего идиома говоров Куровиц и Краколя, а также сойкинского диалекта. Один из информантов отметил также смешанный характер говора дер. Хамолово: «наполовину финский, наполовину ижорский». Все информанты отмечали разницу между языками финнов и ижор, однако различия в идиолектах конкретных информантов, как правило, не осознаются.

В Ропше также отмечается близость говоров Ропши, Б. Куземкина, Струпова, Кейкина и Ванакюли (а также не существующей в настоящее время дер. Ханике), при этом утверждается, что в дер. Волково говорят немного по-другому, «на эстонский лад». Как и в Б. Куземкине, информанты отмечают большое отличие говоров Куровиц и Краколя от местного говора. Ропшинские информанты, как и в других деревнях этого района, отмечают разницу между языком финнов и ижор.

Выходцы из Новой Деревни, проживающие в Ропше, считают наиболее близким к своему идиому говор Острова, более далеким — говор дер. Ропша. Все они указывают на разницу между своим говором и ропшинским; с другой стороны, говор Ванакюли считается «таким же, как наш». В Ханике, по их мнению, говорили «с небольшим акцентом». Отличие своего говора от идиома Куровиц не считается ими «большим», в то время как говоры Краколя, Лужиц, Песков и Верхних Лужиц воспринимаются как «непонятные», «с большим акцентом». Тем не менее, и эти говоры считаются ижорскими. В Выбье, по мнению жителей Новой Деревни, говорят по-фински, в Липове говорят на достаточно близком, но все же отличающемся языке, а на Сойкинском полуострове — «свой язык».

В качестве названий местных языков финнами и ижорами используются термины *ižorkan kieli* ‘ижорский язык’ и *suomen kieli* ‘финский язык’. Некоторые информанты называют свой идиолект и местный говор в целом *inkerin kieli* ‘ингерманландский язык’. С первым термином связан глагол *lāta*, со вторым — *hāstā*. Информанты, использующие третий термин, затруднились

определить, является ли их речь *lākkāmin* или *hāstāmin*. Следует отметить, что идиолекты таких говорящих и с лингвистической точки зрения находятся «посередине» между идиолектами куземкинских ижор и финнов Курголовского полуострова. Сами эти информанты — смешанного происхождения, иными словами, среди их родителей были выходцы из разных деревень, в том числе и финских.

В Таблице 1 сведены данные по оценкам информантами из дер. М. Куземкино, Б. Куземкино, Ропша и Такавелье степени близости других нижнелужских говоров к их собственному. Также представлены некоторые сведения по оценке говоров других деревень как финских, ижорских или эстонских и по характеристикам этничности населения этих деревень.

Таблица 1. Оценки характера языка и этнического состава других деревень информантами из района Б. Куземкино

оцениваемая деревня-эксперт \ деревня	Kri	Na	Ro	Tk	La	St	Va	Ku	Jo, Lv, Lu
Kri	ИФ	0 («их язык такой же как наш»)							
Na	2	0	1			2	2	3а	3б
Ro		1	0			1	1	3а	3б
Tk			2а	0	1а		0	2БИ	4аИ
оцениваемая деревня-эксперт \ деревня	Su	Ko	Hv	Hn	Vp	Pä	Hm	деревни Сойкинского п-ова (soi.)	
Kri	0 («их язык такой же как наш»)								
Na	2	2					ИФ	3в	
Ro	2э		1	1				1	
Tk				1б	4вФ	3		4б	

*Примечания.* Говоры, идентичные собственному говору информанта, получают оценку 0, наиболее близкие говоры — оценку 1, следующие по близости — оценку 2 и т.д. Если информанты отмечали различия между двумя говорами, но не указывали, какой из них ближе к их собственному, то эти говоры получали обозначения 2а, 2б, 2в и т.д. Если индекс языка отсутствует, то по умолчанию язык считается ижорским. Заглавная буква («Ф», «Э», «И») означает, что в деревне есть представители данной этнической группы (финны, эстонцы, ижоры); строчная буква («ф», «э», «и») означает, что язык данной деревни похож

на финский, эстонский или ижорский. Пустая клетка — нет информации. В М. Куземкине (Кгі) оценки давал носитель местного финского говора, в остальных деревнях — носители местных ижорских (иногда — смешанных ижорско-финских) говоров.

#### 4.3. Район деревни Кейкино

Для этого района наиболее релевантными являются противопоставления «Куровицы vs. остальные деревни» и «ижорский vs. финский», причем последняя оппозиция, судя по имеющимся у нас материалам, является второстепенной. Район Краколя и Лужиц, как правило, особо не выделяется информантами, этноним *водь* в данном районе неизвестен. Жители Куровиц считаются ижорами, но говорящими на каком-то «странном» диалекте.

В Орлах все информанты выделили группу деревень Кейкино, Извоз, Манновка, Федоровка, Дальняя Поляна, чьи говоры были наиболее близки к орловскому. Когда мы попытались уточнить классификацию, наиболее близким большинство информантов признало говор Кейкина; несколько дальше были поставлены говоры Извоза и Манновки (причем, по мнению информантов, «в Извозе и Дальней Поляне язык один»); еще дальше находится говор Федоровки (причем только одна информантка утверждала, что в Федоровке есть финны). Все информанты отметили сильное отличие говора Куровиц от своего собственного. Отмечаются также отличия своего языка от говоров Липова и Острова.

В Извозе, с точки зрения единственной хорошей носительницы местного говора, в качестве достаточно близкого можно выделить говор Кейкина [RMIж, Те, Те]. Говоры Федоровки и Ванакюли отстоят дальше, «больше с финским схож их язык». И, наконец, говоры Куровиц и Острова квалифицированы как «совсем другой язык». Информантка отметила близость говора Острова к финскому языку и сойкинскому ижорскому.

В Дальней Поляне информантами были выделены следующие группы говоров (расположены по степени уменьшения сходства со своим говором):

- 1) Извоз и Дальняя Поляна;
- 2) Кейкино и Федоровка;
- 3) Манновка и Орлы;
- 4) Куровицы.

Отличие Куровиц от остальных групп подчеркивается особо.

В Кейкине в качестве наиболее близкого говора называют говор Орлов. Говоры соседних деревень специально не выделяются, за исключением говоров Куровиц, Ванакюли, Краколя, а также сойкинского диалекта. Некоторые информанты отмечали, что в Федоровке и Б. Куземкино распространен финский язык.

В Федоровке все информанты подчеркивают различие между ижорским и финским языками, при этом разница между отдельными говорами здесь ощущается меньше. В качестве ближайших говоров называются идиомы Дальней Поляны и Кейкина (для ижорского языка) и Калливере (для финского языка).

В Волкове также выделяют говор Куровиц; относительно остальных говоров, как ижорских, так и финских, никаких особых замечаний практически не было. Одна из информанток все-таки указала на близость к волковскому говору Федоровки и Кейкина. Остальные же говоры, от Орлов до Струпова, она характеризует следующим образом: «почти как у нас говорят».

Все местные информанты, считающие себя ижорами, употребляют глагол говорения *lätä*, свой язык называют *ižorkæn kēļ*, причем в Орлах и Манновке отмечено и выражение *lätä māks* ‘говорить по-местному’. Следует сказать, что некоторые информанты, побывавшие ранее в Центральной Ингерманландии, употребляют выражение *lätä māks* и по отношению к центрально-ингерманландским диалектам — см. пример (1). В целом в деревнях района Кейкина противопоставление *lätä* vs. *hāsta* выражено слабо. Финский язык называется *sōmen kēļ* — этот лингвоним может относиться как к местному финскому (представленному в данном районе только говором дер. Федоровки), так и к языку Финляндии.

В Таблице 2 ниже сведены данные о степени близости, с точки зрения информантов, говоров других деревень к идиому их родной деревни, а также некоторые характеристики этничности жителей других деревень и оценки их говоров как финских или ижорских.

Как видно из этой таблицы, в качестве наиболее близкого информанты чаще всего называли говор соседней деревни, с которой их родная деревня поддерживала особенно тесную связь, как, например, Кейкино (Hv) и Орлы (Ko). Интересен тот факт, что местные ижоры оценивали жителей дер. Куровицы тоже как



ижор, но одновременно считали, что куровицкий идиом отличается от их говора в большей степени, чем язык дер. Федоровки, несмотря на преобладание в последней финнов.

Еще более далекими представляются жителям окрестностей Кейкина сойкинский ижорский и говоры деревень района Краколя; при этом у них нет представления о существовании особого водского языка. Язык деревень, расположенных в окрестностях дер. Б. Куземкино и севернее (см. колонку «La, Jo, Na»), считается «более финским» и в достаточной степени отличающимся от собственного говора.

Таблица 2. Оценки характера языка и этнического состава других деревень информантами из района Кейкино

оцениваемая деревня / деревня-эксперт	Ma	Ko	Te	Po	Hv	Fü	Su	Ku	Va	La, Jo, Na	soi.
Ma	0	1	1		1	3		2		4	
Te	1		0	1	1	2аф		3а	2бф	3бф	3бф
Po	3	3	1	0	2	2		4			
Hv	2	1	2	2	0	2	2	3а	3б	4а	4б
Ko	2	0	2	2	1	3Ф		4а		4б	
Su	2	2	2	2	1	1	0	3	2		
Fü		2		1	1	0Ф				2Ф	

*Примечания.* Расшифровку условных обозначений см. в примечаниях к Таблице 1. В графе под названием «La, Jo, Na» имеются в виду все деревни, которые информанты обобщенно квалифицировали как находящиеся к северу от них, «к Усть-Луге». Экспертами являлись носители местных ижорских говоров; в идиолекте эксперта из дер. Федоровка (Fü) присутствуют и некоторые финские черты.

#### 4.4. Долина реки Россони (Эстонская Ингерманландия)

Поскольку эта территория была отделена в 1920–1940 гг. от остальных нижнелужских деревень государственной границей, жители деревень Ванакюля, Калливере, Коростель, Венекюля и Саркюля не имели тесных контактов с ижорами Б. Куземкина, Кейкина и Волкова. Поэтому приводимые информантами локальные классификации относятся в основном только к бывшей эстонской территории. Для данного района наиболее релевантны

противопоставления «ижоры vs. финны», *lätə* vs. *hästə*, «православные vs. лютеране vs. баптисты<sup>14</sup>».

В дер. Ванакюля в настоящее время существует идиолектный континуум, и мы попросили информантов охарактеризовать языковое поведение друг друга по параметру *lätə* vs. *hästa*. Нашей целью было получить от каждого информанта оценки идиолектов всех остальных информантов как *läkkämin* или *hästəmin*<sup>15</sup>. Следует отметить, что мы исследовали не реакцию информантов на магнитофонную запись речи их односельчан, а их представления об этой речи, не связанные с непосредственным прослушиванием. Точки зрения различных информантов не совпали; результаты представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Оценки речи жителей дер. Ванакюля их односельчанами

оценка X эксперт Y	MFY	IVT	NDP	NDO	MAL	VNL	VIA	JJV
	м	м	м	м	ж	м	м	м
MFY <sub>м</sub>	Н	L/H	H/L	H/L	L	L	Н	Н
IVT <sub>м</sub>	Н	L	L	L	L	L	Н	L
NDP <sub>м</sub>	Н	L	L	L	L	L	Н	Н
NDO <sub>м</sub>	L	L	L	L	L	L	L	
VNL <sub>м</sub>	Н	Н	L	L	L	L	L	L
VIA <sub>м</sub> <sup>16</sup>	Н		L	L	L	L	H/L	L
JJV <sub>м</sub>	Н	Н	L	L	L	Н		Н
VNL <sub>ж</sub>	Н	Н	L	L	L	L	Н	Н

*Примечания.* «Оценка X» — оцениваемый идиолект X; «эксперт Y» — информант-эксперт Y, оценивающий речь односельчан; Н — по Y, речь X представляет собой *hästəmin*; L — по Y, речь X представляет собой *läkkämin*; L/H — по Y, речь X представляет собой в большей

<sup>14</sup> Помимо лютеран и православных, в районе р. Россони (прежде всего в деревнях Ванакюля и Калливере) в XX в. появляются также баптисты, см. также [Laiho 1940: 222; Järvinen 1990: 43, 45].

<sup>15</sup> Исключениями являются информантки MALж и VNLж (сестра информанта VNLм). К моменту проведения данного фрагмента исследования информантки MALж уже не было в живых. Интервью с VNLж проводилось в 2010 г. Мы смогли получить от нее оценки идиолектов односельчан, но у нас не было возможности узнать, как они, в свою очередь, оценивают ее идиолект. Свой идиолект она сама называет *läkkämin*.

<sup>16</sup> Информант VIAм родился в дер. Ханике.

степени *läkkämin*, чем *hästämin*; Н/Л — по Y, речь X представляет собой в большей степени *hästämin*, чем *läkkämin*; пустая клетка — нет данных.

В ряде случаев отмечались колебания в оценке, например, у информанта MFYm. Некоторые информанты не дали определенной оценки языкового поведения друг друга. Таким образом, только идиолект одной информантки был оценен всеми другими информантами как *läkkämin*, оценки же других информантов не совпадают. Тем не менее, выделяется группа из 4 информантов (NDPm, NDOM, MALж, VNLM), идиолекты которых подавляющим большинством экспертов оцениваются как *läkkämin*. Что касается других информантов, то оценка колеблется от явного преобладания оценки речи как *hästämin* у информанта MFYm до некоторого преобладания *läkkämin* у информанта IVTm. Таким образом, основываясь только на оценках информантов, мы не можем охарактеризовать речь информантов MFYm, IVTm, JJVm, VIAM как *läkkämin* или *hästämin*.

Представляют интерес и «объективные» лингвистические характеристики речи оцениваемых выше 8 информантов. В Таблице 4 приводятся данные по некоторым фонетическим, морфологическим и лексическим изоглоссам, отделяющим финский говор дер. Ванакюля от ее ижорского говора. В Таблице 5 показано распределение финских и ижорских вариантов по идиолектам.

Как видно из Таблицы 5, «чистые» идиолекты почти полностью отсутствуют, хотя можно выделить преимущественно финский идиолект VIAM и преимущественно ижорские идиолекты NDPm, NDOM, MALж. Явное преобладание ижорских черт наблюдается и у VNLM и IVTm, в то время как идиолекты MFYm и JJVm следует отнести к «смешанным». Налицо корреляция между процентом финских черт в идиолекте информанта и процентом оценок *hästämin*, хотя информант VIAM получает необычно низкое число оценок *hästämin*.

Таким образом, можно говорить о существовании своего рода «ижорского ядра» в дер. Ванакюля, которое образуют информанты NDPm, NDOM, MALж, VNLM и IVTm. Как видно из Таблиц 3 и 5, оно выделяется на пересечении оценок односельчан и лингвистического анализа речи информантов.

Таблица 4. Изоглоссы, противопоставляющие ижорский и финский говоры дер. Ванакюля

№	Изоглосса	Ижорский вариант	Финский вариант
1	Трансформация праприб.-фин. сочетаний <i>*kl</i> , <i>*kr</i>	<i>*kl &gt; gl</i> , <i>*kr &gt; gr</i> : <i>kagl(ə)</i> ‘шея’, <i>kagr(ə)</i> ‘овес’	<i>*kl &gt; ul</i> , <i>*kr &gt; ur</i> : <i>kaul(ə)</i> , <i>kaur(ə)</i>
2	Наличие / отсутствие чередования ступеней <i>tk : t</i>	Чередование есть: <i>itke</i> <плакать.INF> : <i>ite</i> <плакать.IMP>	Чередования нет: <i>itke : itkē</i>
3	Выпадение согласного в презенсе глагола <i>männ(ə)</i> ‘уходить’	Выпадение есть: <i>mā̃-n</i> <уходить-1SG>	Выпадения нет: <i>māne-n</i>
4	Выпадение согласного в презенсе глагола <i>pann(ə)</i> ‘класть’	Выпадение есть: <i>pā-n</i> <класть-1SG>	Выпадения нет: <i>pane-n</i>
5	Выпадение согласного в презенсе глагола <i>tull(ə)</i> ‘приходить’	Выпадение есть: <i>tüö-n ~ tüe-n</i> <приходить-1SG>	Выпадения нет: <i>tule-n</i>
6	Выпадение согласного в презенсе глагола <i>oll(ə)</i> ‘быть’	Выпадение есть: <i>ō-n ~ uo-n</i> <быть-1SG>	Выпадения нет: <i>ole-n</i>
7	Показатель имперфекта глаголов с основной на губной гласный	Показатель <i>-si-</i> : <i>küsü-si-n</i> <спрашивать-PST-1SG>	Показатель <i>-i-</i> : <i>küsü-i-n</i>
8	Показатель сравнительной степени прилагательных	Показатель <i>-p-</i> : <i>pare-p</i> <хороший-COMP>	Показатель <i>-mp-</i> : <i>pare-mp</i>
9	‘малина’	<i>vābuk(ə)</i>	<i>fābuk(ə)</i>
10	‘стол’	<i>laut(ə)</i>	<i>pöüt(ə)</i>
11	‘волк’	<i>susi</i>	<i>huntt(ÿ)</i>

Русскоязычный этноним *ижоры* мог быть употреблен по отношению почти к любому из данных информантов (в наших материалах только информант VIAM не был ни разу назван *ижором*). При этом информанты MFYm, JJVm, VIAM могли быть также названы и *ингерманландцами*, *финнами*. Чем больше оценок *hāstemin* получал тот или иной информант, тем с большей вероятностью он мог быть назван *ингерманландцем* или *финном*. Если эксперт сомневался, следует ли считать речь его односельчанина

Таблица 5. Распределение финских и ижорских вариантов изоглосс из Таблицы 4 по идиолектам дер. Ванакюля

изоглосса	информант							
	VIAм	MFYм	JJVм	NDOм	VNLм	IVTм	MALж	NDPм
1	Ф	Ф	ФИ	И	ФИ	И	И	И
2	Ф	Ф	Ф	И	ФИ	И	И	И
3	Ф	И	И	И	И	И	И	И
4	Ф	И	И	И	И	И	И	И
5	Ф	Ф	ФИ	И	Ф	Ф	И	И
6	Ф	Ф	И	ФИ	И	ФИ	ФИ	И
7	Ф	И	И	И	И	И	И	И
8	Ф	Ф	ФИ	И	И	И	И	И
9	Ф	И	Ф	И	И	И	И	И
10	Ф	ФИ	ФИ	И	И	И	И	И
11	ФИ	Ф	Ф	И	И	И		И

*Примечания.* «Ф» — финский вариант; «И» — ижорский вариант; «ФИ» — в идиолекте представлены оба варианта; пустая клетка — нет данных.

*hāstämīn* или *läkkämīn*, и не мог с уверенностью определить этничность последнего, основываясь только на его идиолекте, то он привлекал дополнительные критерии: этничность родителей односельчанина, его вероисповедание. Некоторые эксперты на вопросы о других информантах заявляли, что *hāstämīn* характерно для *финнов, лютеран*, а *läkkämīn* — для *ижор, православных*. Однако дело осложняется тем, что некоторые из информантов родились в смешанных ижорско-финских или ижорско-эстонских семьях.

Интерес представляет и то обстоятельство, что, согласно полученным данным, *ижор* (или *ингерманландец*) может *hāsta*, но *финн* не может *lätä*. Аналогичная картина наблюдается и в других районах, например в дер. Б. Куземкино. Если обратиться к русскоязычным лингвонимам, то термин *ижорский язык* употребляется гораздо шире, включая в себя как *läkkämīn*, так и многие случаи *hāstämīn*. Создается впечатление, что *финский язык* для местных жителей скорее означает ‘литературный финский язык’.

В Калливере можно выделить две группы жителей:

1) сестер ЛТФж и ЛТРж, родившихся и проживающих на хуторе Пихлакас (находится примерно в полукилometре от Калливере), которые осознают (реально существующее) отличие своих идиолектов от идиолектов других жителей деревни;

2) всех остальных жителей, по мнению которых, «в Калливере все говорили одинаково».

При этом все калливересцы утверждают, что «в Ванакюле говорят по-другому». Относительно исчезнувших деревень Арсия (Арсиансаари) и Куллакюля информанты отмечали, что там жили в основном *лютеране*, для которых было характерно *häästemin*, но их говор слегка отличался от калливереского. Мнения информантов об исчезнувших дер. Одрасаре и Смолка разделились: по одной версии, там жили *ижоры* или *ингерманландцы*, по другой — *эстонцы* и *русские*.

Свой говор калливересцы называют *inkerin kieli*, по-русски — *ингерманландский* или иногда *ижорский язык*. Они особо подчеркивают отличие своего говора от финского литературного языка. Себя они могут называть *финнами* или *ингерманландцами*. Следует еще добавить, что известный местный политический деятель 1930-х годов Леандер Рейо, известный под прозвищем *inkerin kuningas* ‘ингерманландский король’, по-русски обычно назывался информантами *ижорский король*. Это является еще одним свидетельством в пользу того, что термину *inkerin* соответствует не только *ингерманландский*, но и *ижорский*.

Говоря об этнонимах и лингвонимах данного района, следует упомянуть и шуточные прозвища жителей той или иной деревни: *Vanakülän hīred* ‘ванакюльские мыши’, *Kalliveren gribad /gribanvarkad* ‘калливереские грибы/грибные воры’, *Särkülän soborinvarkad* ‘саркюльские соборные воры’.

Относительно деревень за пределами долины Россони информанты утверждают, что там «говорят по-другому». Один информант считал, что в «Куровицах водские имена» [HEM, Ka, Ka]. Такие мнения можно объяснить изоляцией Эстонской Ингерманландии от остальной части нижнелужского ареала в довоенное время.

Следует сказать несколько слов и о деревнях Венекюля, Саркюля и Коростель. По словам жителей соседних деревень,

в этих поселениях говорили на «смешанном языке», над которым они смеялись. Информанты поясняли, что жители вышеупомянутых деревень говорили, «мешая слова из разных языков», и в качестве примера приводили фразы, подобные следующей:

- (11) *Kuĭ laula-b*, перемена погода *tullò* — так бабки у нас  
 петух петь-3SG приходиться.3SG  
*говорили*

‘Петух поет, перемена погоды будет — так бабки у нас говорили’ {о языке дер. Венекюля}

[ARm, Нарва, Krs] (эст./рус./иж., фин.).

По-видимому, это означает, что в первой половине XX века в речи жителей данных деревнях существовало интенсивное немотивированное переключение кодов (см. также [Головко 2001]).

С другой стороны, говор дер. Венекюля считался многими информантами близким к ванакюльскому, хотя некоторые информанты утверждали, что в Венекюля раньше говорили по-эстонски. О говоре дер. Коростель часть информантов из дер. Ванакюля сообщает, что на их памяти в этой деревне не говорили по-ижорски или по-фински, а «смешанным языком» пользовались только женщины, вышедшие туда замуж. Сами же информанты из дер. Коростель утверждали, что раньше в этой деревне многие знали 4 языка: финский, эстонский, ижорский и русский [ARm, Нарва, Krs; ZPOж, Krs, Krs].

#### 4.5. Район деревень Краколье и Лужицы

Для данного района релевантными являются противопоставления *vad'd'à čēli* vs. *īžorkən kēli*, *pajattà* vs. *lātə*, «ижорский язык vs. водский язык», «ижора vs. водь». Следует отметить, что хорошо известен и этноним *soikkulain* и соответствующий ему лингвоним *soikkulan kēli* (иж.)/*soikkulà čēli* (вод.), относящиеся, соответственно, к сойкинским ижорам и их диалекту<sup>17</sup>.

<sup>17</sup> Информантка ИГж (Ла, Хельсинки), которую в 1960-х гг. интервьюировали финские лингвисты и мать которой была вожанкой, упоминала следующие шуточные прозвища, известные в данном районе: *Lūžitsan lut'ikad* ‘лужицкие клопы’, *Kotkon gēžad* ‘орловские «гежи»’ (по словам информантки, выражение передает «орловский разговор на з»), *hailin kuristajad* ‘душителы салаки’ (о сойкинцах) [аудиоархив

Сначала опишем, как оценивают говоры близлежащих деревень бывшие жители дер. Верхние Лужицы. С их точки зрения, говор Нижних Лужиц практически не отличается от верхнелужицкого. Очень сильно отличается сойкинский, а говоры Песков, Краколя и Межников довольно близки к верхнелужицкому. При этом информанты осознают языковое деление дер. Краколье на две части. Говор Куровиц, по мнению информантов, отличается от их идиома сильнее. Глаголы *pajattà* и *lãtə* им известны, причем первый из них характеризует речь части жителей Краколя, а второй — речь В. Лужиц и другой части дер. Краколье. Себя и свой язык они называют, соответственно, *ижорами* и *ижорским*, при этом отмечают, что в Краколье (в одной из частей) живут *vadjalaised*. О вожанах они говорят:

- (12) *vadjalain kera on ижор*  
 вожанин тоже быть.3SG  
 ‘Вожанин — тоже ижор’  
 [MFVж, Rū, Ve] (иж./рус.).

На наш взгляд, подобная оценка соотношения между понятиями *vadjalain* и *ижор* весьма характерна и свидетельствует о «включенности» (в представлении информантов) группы вожан в состав ижор. Подобные оценки встречались и среди тех выходцев из дер. Нижние Лужицы, которые в течение длительного времени проживали в отрыве от своей родной деревни:

- (13) *Ну хоть и vad'd'əlaize-d, но все равно мы ižorlaize-d*  
 вожанин-PL ижор-PL  
 ‘Ну хоть и вожане, но все равно мы ижоры’  
 [OPLж, Lu, Ивангород] (рус./иж., вод.).

По-видимому, это во многом обусловлено тем фактом, что многие информанты кракольского ареала, как с родным водским, так и с родным ижорским, не используют русскоязычный этноним *водь*, заменяя его термином *ижора*. При этом в речи на ПФЯ водь и ижора различаются (см. ниже).

---

Центра исследования языков Финляндии в г. Хельсинки]. Прозвище сойкинских *kalan kuristajat* ‘душители рыбы’ широко известно и в Центральной Ингерманландии.



Словоформа *māks(i)* в В. Лужицах известна, как и в других деревнях кракольского ареала, и употребляется как по отношению к водскому, так и по отношению к ижорскому языкам.

В Краколье отмечают разницу между двумя языками (водским и ижорским) в самом Краколье. На втором плане стоит языковая разница между Кракольем, с одной стороны, и деревень Пески и Лужицы, с другой. Еще далее отстоят другие говоры и языки, причем наиболее близкими к ижорскому говору Краколье считаются говоры деревень Остров и Липово.

Как уже говорилось, раньше, по словам информантов, дер. Краколье делилась на два конца, *Heřvalt* (вод.) ‘помещичья земля’ и *Kunigvalt* (вод.) ‘казенная земля’ (некоторые информанты переводили эти названия как *барский* и *царский*). В каждом конце был распространен свой язык: в *Kunigvalt* — *pajattëmin*, а в *Heřvalt* — *läkkämin*.

Мы попытались выяснить, как информанты оценивают друг друга по употреблению глаголов речи. Мнения информантов из Краколье о том, для кого из односельчан характерно *pajattëmin*, а для кого — *läkkämin*, в большинстве случаев совпали; затруднения вызвала только информантка ТІВЖ (Jo, Jo). Ее сестра охарактеризовала речь ТІВЖ таким образом:

(14) *Раньше она läkä-z', а теперь больше pajattë-b*  
 говорить-PST.3SG                      говорить-3SG

‘Раньше она говорила по-ижорски, а теперь больше говорит по-водски’

[ЛІВЖ, Jo, Jo] (рус./иж./вод.).

Жители Песков и Лужиц оценивали ситуацию в своих деревнях подобным же образом, хотя один информант из дер. Лужицы считал, что *pajattëmin* преобладает не в Песках, а в Лужицах. К сожалению, здесь нам не удалось получить достаточно материала по оценке информантами друг друга по параметру глаголов речи, как это было осуществлено по отношению к деревне Ванакюля.

Хотя в настоящее время в дер. Межники нет информантов, хорошо владеющих водским языком, местные жители различают ижорский и водский языки и помнят, что их родители умели говорить по-водски. Знакомы им и названия частей дер. Краколье.

Их оценки языков, распространенных в разных частях этой деревни, совпадают с оценками, которые давали сами жители Краколя. Среди других деревень в качестве той, где было распространено *pajattëmin*, упоминались Пески. В остальных деревнях, по мнению информантов из Межников, был представлен *läkkämin*, включая и финские деревни Курголовского полуострова:

- (15) *Vipjä-s suome-ks lä-tti*  
 Выбье-IN финский-TRL говорить-IPS.PST  
 ‘В Выбье по-фински говорили’  
 [MSKж, Ra, Ra] (иж.).

Известны информантам из этой деревни и слова *vad'd'à*, *vad'd'äkko* ‘водский; вожанин’, ср. (16), а также (37).

- (16) *Мама знала vad'd'äkko, papa — нет, только ижорский знал*  
 [DIFж, Ra, Ra] (рус. / иж.).

Все информанты из дер. Краколье, Межники, Пески и Лу-жицы, вне зависимости от того, на каком/каких из местных ПФЯ они говорили, отмечали разницу между *pajattëmin* и *läkkämin* и связывали это с этнической принадлежностью. Те люди, для которых характерно *pajattëmin*, квалифицируются как *vad'd'älaised* (иж.)/*vad'd'älaižed* (вод.). Те же, для кого типично *läkkämin*, называются *ižorəd/ižorid* (иж., вод.) или *soikkulaised* (иж.)/*soikkulaižed* (вод.):

- (17) *Kol'a-n, mēhe-n pajatë-tti, они vad'd'älaiže-d были, а*  
 Коля-GEN муж-GEN говорить-IPS.PST вожанин-PL  
*моя родня lä-t-ti, федоровские lä-t-ti, mēhe-n*  
 говорить-IPS.PST говорить-IPS.PST муж-GEN  
*pajatë-tti vad'd'a-ssi*  
 говорить-IPS.PST водский-TRL

‘Колина, мужа {родня} говорила по-водски, они вожане были, а моя родня говорила по-ижорски, федоровские говорили по-ижорски, {родня} мужа говорила по-водски’  
 [NSNж, Lu, Lu] (иж./вод./рус.).

При этом, как уже было упомянуто, всем вышеуказанным этнонимам (*vad'd'älaised/vad'd'älaižed*, *ižorəd/ižorid*, *soikkulaised*

/soikkulaizeđ) в русской речи большинства информантов соответствует один этноним — *ижоры*, а лингвониму *ижорский язык* может соответствовать как *vad'd'a čēli* (вод.), так и *ižorkəp kēli* (иж.). Приведем еще два показательных примера (18) и (19).

(18) *Vad'd'a čēli* в переводе на русский язык означает «ижорский язык»

[AIBM, Jo, Jo] (вод./рус.).

(19) *А Вам какой ижорский язык нужен? Их у нас два*

[PMFM, Jo, Jo].

В некоторых случаях, когда необходимо уточнить, идет ли речь об ижорском или водском языке, в русскую речь информанта вставляется соответствующее слово на ПФЯ, ср. примеры (14), (16) и (17) выше, а также (20).

(20) *А подруга у меня, родители ее все vad'd'a говорили, и я с ними говорила vad'd'a*

[OPLJ, Lu, Ивангород] (рус./вод.).

По меньшей мере с начала XX в. престижность водского языка по не вполне понятным причинам была ниже, чем престижность ижорского. Водь переходила на ижорский язык и принимала этническое самосознание ижор. В результате этого, в частности, водская дер. Межники полностью сменила язык на ижорский. Этот процесс отмечается уже самыми первыми исследователями водского языка, см. [Kettunen 1915: 4; Tsvetkov 1925: 43]. В 1925 г. Д. Цветков указывал, что после революции образованные вожане при заполнении советских анкет писали в графу «народность» *ижор*, а в графу «национальность» — *русский* [Tsvetkov 1925: 43]. По-видимому, подобные явления стали причиной того, что водь не была включена в переписи населения 1959, 1979 и 1989 гг. В силу указанного несоответствия терминологии, для этнографа, не владеющего финским, эстонским или местными ПФЯ, в ходе работы в нижнелужском ареале (особенно в водских деревнях) велика вероятность допустить существенные ошибки.

Необходимо все же отметить, что в настоящее время встречаются и случаи различения *води* и *ижоры* в русской речи. На наш взгляд, это связано с тем, что, в результате деятельности Общества водской культуры, а также Центра коренных народов

в составе организации ингерманландских финнов «Inkerin Liitto», русский этноним *водь*, встречающийся в научной литературе, в настоящее время стал знаком многим вожанам и осознается ими как соответствие водскому этнониму *vad'd'alain*<sup>18</sup>.

Некоторые информанты (например, водскоязычный информант AFNm (Lu, Lu)) употребляют термин *vad'd'à čēli* и по отношению к сойкинскому диалекту ижорского языка, отстоящему по ряду признаков гораздо дальше от водского языка, чем нижнелужский ижорский диалект. Это свидетельствует о нейтрализации оппозиции *vad'd'à čēli* vs. *ižorkən kēli*.

Подводя итоги, следует отметить, что большинство как ижорских, так и водских информантов из Краколя, Песков и Лужиц все же различают *vad'd'à čēli* и *ižorkən kēli* в своей речи на ПФЯ (хотя не во всех случаях могут определить характер языка того или иного говорящего). Более того, хорошо осознаются и основные фонетические отличия водского от ижорского (см. п. 5). Однако при переходе на русский язык эта разница часто исчезает (используется термин *ижорский язык*). Термин же *māssi* ‘по-местному’ может означать как *vad'd'assi* ‘по-водски’, так и *ižorāssi* ‘по-ижорски’ [NFM, Lu, Lu] (вод.).

#### 4.6. Деревня Куровицы

Жители этой деревни хорошо осознают особенность своего диалекта на фоне всех остальных идиомов нижнелужского региона. Следует отметить, что в языке носителей куровицкого диалекта в той или иной степени отмечается влияние соседних говоров, в особенности орловского, находящегося южнее. Этот факт осознается и некоторыми из информантов (например, LDMж, Ку, Ку; АМРж, Ку, Ку), которые могут довольно хорошо различать орловские и куровицкие формы. Тем не менее, на просьбу указать тех жителей деревни, которые говорят по-куровицки «чисто», разные информанты давали несовпадающие ответы, и с социо-

---

<sup>18</sup> На распространение этого термина также могла повлиять деятельность лингвистов. В частности Х. Хейнсоо отмечает, что в результате систематической работы эстонских исследователей с вожанами, начиная с 1947 г., и усилий по повышению престижности водского языка некоторые из ее водских информантов начали называть себя *водью* и в своей русской речи [Хейнсоо 1995: 177].

лингвистической точки зрения выделить «куровицкое ядро»<sup>19</sup>, аналогичное «ижорскому ядру» в дер. Ванакюля, не удалось. По-видимому, это свидетельствует о том, что значительная часть орловских элементов в речи носителей куровицкого диалекта не замечается и не осознается ими.

Одновременно, можно обратить внимание на чисто лингвистические характеристики речи жителей Куровиц. В Таблице 6 ниже приведены некоторые изоглоссы, отличающие куровицкий говор от орловского, а в Таблице 7 — распределение куровицких и орловских вариантов по идиолектам. Следует отметить, что у информантов, речь которых демонстрировала наибольшую вариативность, куровицкие и орловские варианты встречались с разной частотой: для LDMж характерно резкое преобладание частотности орловских форм, для ПГм и АМРж — куровицких. Если учитывать этот факт, то видно, что информанты LPGж, VVVм, ПГм, АМРж говорят скорее «по-куровицки». Таким образом, на языковых основаниях здесь все же выделяется «куровицкое ядро», а остальные идиолекты составляют континуум между куровицким говором и орловским ижорским говором. В этом смысле в чисто лингвистическом отношении ситуация здесь сходна с положением дел в деревне Ванакюля.

Среди других нижнелужских деревень жители Куровиц особо выделяют только Волково (на другом берегу Луги), Орлы (ближайший сосед с юга), Краколье. Не существующая ныне Новая Деревня была упомянута одной информанткой. Эта же информантка упомянула и о существовании двух идиомов в деревне Краколье:

- (21) *А в Краколье одни говорят на «ч», а другие говорят на «к»*  
[АМРж, Ку, Ку].

---

<sup>19</sup> Поскольку здесь не нашлось такого же четкого параметра как *hāsta* vs. *lāt̃* в дер. Ванакюля, то мы были вынуждены задавать информанту вопрос, говорит ли тот или иной его односельчанин *Kukkuzi(n) vīsī* ‘по-куровицки’ или *Kotkon vīsī* ‘по-орловски’. Возможно, часть затруднений информантов было связана именно с характером самого вопроса.

Таблица 6. Изоглоссы, противопоставляющие куровицкий и орловский говоры

№	Изоглосса	Куровицкий вариант	Орловский вариант
1	Трансформация пра-приб.-фин. сочетания <i>*ps</i>	<i>*ps &gt; hs</i> <i>lahs(i)</i> ‘ребенок’	<i>*ps</i> сохраняется <i>laps(i)</i>
2	Трансформация пра-приб.-фин. сочетания <i>*ks</i>	<i>*ks &gt; hs</i> <i>uhs(i)</i> ‘дверь’	<i>*ks</i> сохраняется <i>uks(i)</i>
3	Трансформация пра-приб.-фин. сочетания <i>*st</i> (в сильной : слабой ступени)	<i>*st &gt; ss : s</i> <i>muss(ə)</i> ‘черный’ : <i>musa</i> <черный.GEN>	<i>*st &gt; st : s̄</i> <i>must(ə)</i> : <i>mussə-n</i> <черный-GEN>
4	Гласный в основе глагола ‘уходить’	Гласный <i>e</i> : <i>menn(ə)</i> <уходить.INF>	Гласный <i>ä</i> : <i>männ(ə)</i>
5	Основа презенса глагола <i>tull(ə)</i> ‘приходить’	<i>tua-n</i> <приходить-1SG>	<i>tü e-n</i>
6	Адессив личных местоимений 1 и 2SG	<i>mi-Ī</i> <я-AD>, <i>si-Ī</i> <ты-AD>	<i>miu-l, siu-l</i>
7	Показатель генитива	Нулевой показатель	Показатель <i>-n</i>
8	Показатель элатива	Показатель <i>-ss(ə)</i>	Показатель <i>-st</i>
9	Показатель транслатива	Показатель <i>-ss(i)</i>	Показатель <i>-ks(ĭ)</i>
10	Показатель имперсонала в презенсе <sup>20</sup>	Показатель <i>-ttaz</i> : <i>lue-ttaz</i> <читать-IPS>	Показатель <i>-ta</i> : <i>lue-tà</i>
11	Форма 3SG презенса у глаголов с праприб.-фин. основой типа <i>*luke-</i> ‘читать’	Слабоступенный вариант основы + показатель <i>-b</i> : <i>lue-b</i> <читать-3SG>	Сильноступенный вариант основы с дополнительной (т.н. «вторичной») геминацией согласного, переходом гласного <i>*e &gt; o, ö</i> и его продлением + $\emptyset$ показатель: <i>lukkò</i> <читать.3SG>

<sup>20</sup> Данная форма одновременно используется и как личная форма 3PL презенса.

Таблица 7. Распределение куролицких и орловских вариантов изоглоссы из Таблицы 6 по идиолектам дер. Куровицы

изоглосса	информант						
	LPGж	VVVМ	ПГм	АМРж	LDMж	MPNж	KEVж
1	К	К	КО	К	КО	О	О
2	К	К	КО	КО	КО	К	О
3	К	КО	К	К	КО	О	О
4	К	КО	КО	КО	КО	КО	КО
5	К	А	К	К	КО	КА	К
6	К	КО	КО	КО	КО	КО	К
7	К	К	КО	КО	КО	КО	К
8	К	КО	К	КО	КО	О	О
9	К	К	К	КО	КО	КО	О
10	К	К	К	КО	КО	О	О
11	К	К	КО	КО	КО	КО	О

*Примечания.* «К» — куролицкий вариант; «О» — орловский вариант; «КО» — в идиолекте представлены оба варианта; «А» — аномальный для основы глагола ‘приходить’ вариант *tule-*.

Информантка имеет в виду одну из главных особенностей водского языка — палатализацию  $k > \check{c}$  перед гласными переднего ряда. Тем не менее, по мнению информантов, в Краколье живут ижоры.

Жители Куровиц знают, что кое-где на берегах Луги живут и финны, но не указывают точного места их обитания. Свой язык может быть назван *ižorkan kēli* (иж.) или *ižorkà kēli* (кур.); ‘говорить по-ижорски’ может быть переведено как *lātē ižorkà* или *lātē mās̄si*. Этнонимы *водь*, *vad'd'əlain* почти неизвестны, однако в 1930-е годы положение вещей было иным. Куровицкие информанты Л. Пости утверждали:

- (22) *toize-t̄ k̄ilä-t̄ sao-ttas̄ što kukkuzi*  
 другой-PL деревня-PL сказать-IPS что Куровицы  
*lākk'ā-b̄ vad'd'ā*  
 говорить-3SG водский.PART  
 ‘Другие деревни скажут, что Куровицы говорят по-водски’  
 [Posti, Suhonen 1980: 573] (кур.).

Примечательным является тот факт, что глагол *lātə* сочетается здесь с лингвонимом *водский язык*, что не совпадает с той системой, которая существует в дер. Краколье, Пески и Лужицы (см. 4.5).

Аналогичным образом и этноним *vad'd'alain* оказывается для жителей дер. Куровицы экзоэтнонимом (внешним названием):

- (23) *miä vassa ko tul-i-n tähä sis*  
 я только когда приходить-PST-1SG сюда тогда  
*sa-i-n t'sitā što mü õ-mma*  
 получать-PST-1SG знать-INF что мы быть-1PL  
*vad'd'alaized*  
 вожанин-PL

‘Я только когда приехал сюда, тогда узнал, что мы *vad'd'alaized*’

[Posti, Suhonen 1980: 573] (кур.).

В то же время этот этноним мог использоваться ими по отношению к жителям некоторых бывших водских деревень за пределами нижнелужского ареала. Такая ситуация похожа на ситуацию с этнонимом *lappalaine* в Карелии. Данный этноним использовался жителями более южных районов по отношению к своим северным соседям, которые, в свою очередь, использовали его уже по отношению к своим северным соседям [Бубрих и др. 1997].

Для информантов Л. Пости, по-видимому, более важной представлялась идентификация себя по конфессии:

- (24) *mü õ-mma pravosla·vnī, a kēli vā on*  
 мы быть-1PL православные а язык только быть.3SG  
*ižorkā kēli*  
 ижорский.GEN язык

‘Мы православные, а язык только ижорский’

[Posti, Suhonen 1980: 96] (кур.).

Следует также отметить существование некоторых языковых стереотипов, касающихся говора дер. Куровицы и распространенных как среди самих носителей куровицкого говора, так и среди их соседей (см. раздел 5). В п. 5.2 более подробно говорится и об известном из литературы шутовом прозвище жителей



Куровиц *Kukkuzi muzā kizā kurissajad* ‘куровицкие душители черной кошки’.

#### 4.7. Деревня Дубровка

Как уже было отмечено выше, эта деревня была отделена от других финских и ижорских деревень преимущественно русскоязычными деревнями. Ее жители прежде всего отмечали отличие своего говора от всех прочих говоров местных ПФЯ (финского, ижорского и эстонского), а также сильные отличия от финского литературного языка:

(25) *Наш язык ни на что не похож*  
[LRKж, Suo, Kpl].

Информанты отмечают, что с трудом понимают литературный финский язык. Финский язык, преподававшийся в школе до 1937 года, воспринимался ими как «иностранный» язык. Отмечается также существование определенной разницы между литературным и нижнелужским финским.

#### 4.8. Общий обзор нижнелужского ареала

Следует отметить, что наблюдаемая в настоящее время ситуация с употреблением тех или иных этнонимов и лингвонимов не всегда была таковой. В конце XVII века Ф. О. Туманский в своем описании народов Санкт-Петербургской губернии (его работа переиздана в 1970 г. [Örik 1970]) касается и западной части Ингерманландии, включая нижнелужский ареал. Он особо отмечает, что эндо- и экзоэтнонимы води не совпадают, причем в качестве экзоэтнонима упоминается «чюдь» (здесь и далее орфография и пунктуация Ф. О. Туманского):

⟨...⟩ все окрестные российские крестьяне, которых словоупотребление должны быть нам правилом к суждению, между чюдью и чухонцем делают различие. Чюдь называют они чюдью, а естонца чухною, и чюди тоже эстонцов именуя чухонцами никак на себя имени сего не приемлют. Мы будем здесь говорить токмо о тех чюдах или чюдах которые в здешней губернии и доселе жительствуют и под сим именем всем окрестным известны ⟨...⟩ [Örik 1970: 53].

В качестве эндоэтнонима води Туманский приводит термин «вадделазит» [там же: 54].

Таким образом, в тот период русскоязычные этноним *водь* и лингвоним *водский язык* не были широко распространены среди соседей воды. Что же касается этнонима *чудь* (и лингвонима *чудский язык*), то в настоящее время он употребляется крайне редко. Этот этноним известен в окрестностях дер. Котлы и употребляется как русскоязычными потомками вожан, так и некоторыми их односельчанами. Чаще всего этноним употребляется в форме *чудьи*. В дер. Раннолово информантка, говорящая на смешанном финско-водском идиолекте (VINж (Ran (приход Kattila), Ran); подробнее см. в [Муслимов 2003]), упомянула о существовании ранее в ее деревне *чухонского* и *чудейского* языков.

Как уже говорилось выше, мы не можем сказать, в какой период русскоязычный этноним *ижора* начал использоваться по отношению к воде. В водских текстах, собранных П. Аристе, встречается случай использования термина *ijõri* как эндоэтнонима вожан в их водской речи (в пересказе диалога вожанина и русского):

- (26) *Miä e-n ė venälaine // miä eġ-n / ni / ijõri*  
 я NEG-1SG быть русский я быть-1SG вот ижор  
 ‘Я не русский, я, это, ижор’  
 [Ariste 1982: 66] (вод.; запись 1978 г.).

Аристе объясняет это следующим образом [перевод с эстонского мой — М. М.]:

Среди русских ижоры были известны в качестве достаточно уважаемого этнического коллектива. Малочисленные вожане были неизвестны дальше пределов своего обитания. Поэтому вожане называли себя ижорами, и русские их считали ижорами [там же: 116].

В применении к ижоре в литературе также неоднократно отмечался этноним *karjalain(e)* ‘карел’ (см. [Porkka 1885: 3; Junus 1936: 3; Лаанест 1966: 102; Nirvi 1971: 137]). В настоящее время он почти не употребляется. Только один наш ижорский информант из дер. Нахково (на северо-восток от дер. Котлы, долина р. Систы) употребил *karjalain* в качестве эндоэтнонима. По данным А. Крюкова (личное сообщение), этот этноним и соответствующий ему лингвоним еще в начале 2000-х гг. употреблялись и в некоторых других ижорских деревнях долины Систы. В деревне Семейское А. Крюковым была зафиксирована интересная

транслативная словоформа лингвонима: *karlaks* ‘по-ижорски’ < \**karjalaks*.

Следует заметить, что в современных материалах этот этноним ни разу не встретился по отношению к нижнелужским ижорам. В словаре ижорских диалектов Р. Е. Нирви [Nirvi 1971] он фиксируется только на Сойкинском полуострове. Данный этноним (в вариантах *karjako*, *karjalain*) ранее был известен и вожанам, при этом он мог относиться не только к сойкинским, но и к части нижнелужских ижор, ср. (27). Однако в примере (28) «Карелией» (*Karjala*) все же называется территория проживания именно сойкинских ижор.

- (27) *Soikkola-z on karjako-D*,  
 Сойкинский.полуостров-IN быть.3SG карел-PL  
*kuttsu-as karjalais-ii tšeeli, <...> laukaa-lla*  
 называть-IPS карельский-PL.GEN язык Луга-AD  
*õl-i-vad i karjako-d i vad'd'ako-D*  
 быть-PST-3PL и карел-PL и вожанин-PL  
 ‘На Сойкинском полуострове ижоры, {их язык} называют  
 «ижорский язык», на Луге были и ижоры, и вожане’  
 [Adler, Leppik 1994: 94] (вод.).

- (28) *kõhtšizõõ tšülä-ssä algu-B karjala*  
 Косколово.GEN деревня-EL начинаться-3SG Карелия  
 ‘С деревни Косколово начинается земля сойкинских ижор’  
 [там же: 94] (вод.).

В то же время и этноним *ižorad* был известен вожанам:

- (29) *soikkolaizõ-d on puhtaa-d ižora-D*  
 сойкинец-PL быть.3SG чистый-PL ижор-PL  
 ‘Сойкинцы — чистые ижоры’  
 [Adler, Leppik 1990: 308] (вод.).

В настоящее время, однако, у жителей деревень Нижней Луги этноним *karjalain* ассоциируется только с Карелией и карелами.

Подводя итоги, следует отметить, что в настоящее время наиболее распространенным экзо- и эндоэтнонимом в нижнелужском ареале является русскоязычный термин *ижоры*. Он может включать в себя и тех, кто называет себя на своем языке

*vad'd'əlaizəd* ‘вудь’ (в Краколье, Песках, Лужицах) или *sūmalaised* ‘финны’ (в Липове).

Еще более распространенным является экзо- и эндолингвоним *ижорский язык*, к которому близок по своему объему лингвоним *māssi/māks(i)*. Эти лингвонимы могут относиться почти к любому местному ПФЯ, кроме эстонского. Более того, отмечены и случаи их употребления по отношению к финским диалектам Центральной Ингерманландии (ср. употребление термина *māks* в примере (1)). На наш взгляд, такое отождествление центральноингерманландских диалектов с *ижорским языком* вызвано не только относительной близостью между ними и идиомами Западной Ингерманландии, но и большой диалектной дробностью в нижнелужском ареале. В результате несколько большее отличие нижнелужского ижорского от центральноингерманландских диалектов, чем от нижнелужского финского, оказывается малозначимым.

Лингвоним *inkerin kieli*, по-видимому, употребляется в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть разницу между местным финским диалектом и финским литературным языком, причем он скорее употребителен среди финнов, чем среди ижор. Если нужно акцентировать разницу между финскими и ижорскими говорами или между финнами и ижорами, тогда обеими данными группами будут скорее всего использоваться термины *sōmen kēli* vs. *ižorin kēli*, *sōmalain* vs. *ižori* ~ *ižorlain*, *финн* vs. *ижор*. Если же необходимо подчеркнуть разницу между вождями и ижорами, тогда обе соответствующие группы будут использовать этноним *vadjalain* и лингвоним *vadjan kēli*, которым будет противопоставлен этноним *ižori* ~ *ižorlain* или *soikkulain* (если речь идет о сойкинских ижорах).

*Примечание.* В работе Ф. Туманского, помимо «чюди» и «ижер», упоминается и особая этническая группа, жившая непосредственно на берегах Луги (в частности, в дер. Орлы, Извоз и Манновка) под названием «*ямы*», язык которой он характеризует как «смесь чюдского и ижерского» [там же: 47, 57, 65, 84]. В составленном Туманским небольшим словаре нескольких ПФЯ, распространенных в то время в Санкт-Петербургской губернии, есть данные по «чюдскому» и «ямскому» языкам [там же: 166 и далее]. Относительно экзо- и эндоэтнонимов (т.е. внешних названий и самоназваний) «ямов» он отмечал следующее:

Они свой род скрывая, охотно соглашаются зваться ижерами. Но в том противоречит им их наречие, образ жизни, нравы, обычаи (...) Нынешние россияне и естоны собственного им не прилагают имени: в одной и той же деревни нарицают их и чюдью и ижерами: сие оттого происходит, что они собственное свое имя скрывая оставляют соседей в недоумении [там же: 56].

Вожане, по свидетельству Туманского, называли их «ранда лазит», в то время как «ижорянам дают название карьялазит то же что и корелам, а естонцов именуют суома лазит» [там же: 54–55]. Комментаторы Туманского Е. Örik и А. Laanest считают, что речь идет о нижнелужских ижорах, которые под влиянием вожан и других соседей, по-видимому, уже в тот период сильно выделялись на фоне прочих ижор не только в плане языка, но и в отношении этнографических характеристик [там же: 26, 194–197]. В настоящее время этноним *ямы* неизвестен в нижнелужском ареале и сохранился только в местном названии г. Кингисеппа на ПФЯ — *Jāma*.

Следует отметить, что такая сложная система этнонимов и лингвонимов, какая существует в нижнелужском ареале, не является исключительной. Так, по данным О. Поносовой (личное сообщение), подобного рода классификации существуют и среди русинов Словакии. В частности, среди русинов распространена классификация местных говоров через глаголы речи, причем взаимно-однозначного соответствия между этими глаголами и этнонимами, по-видимому, не существует.

В некоторых случаях нижнелужские информанты на основании разных критериев могли выбирать различные эндоэтнонимы.

- (30) (...) *nīnta* получилось, что мама справила русские паспорта, так  
и *kirjutt-i-Ø* «православной веры», вот. А *millis-t* веры *müö*  
писать-PST-3SG какой-PART мы  
*ol-i-m̄*, *mīä e-n tijje-ki*. А по-моему, ижоры  
быть-PST-1PL я NEG-1SG знать-EMPH  
православной веры *ollä*  
быть.IPS

‘Так получилось, что мама справила русские паспорта, и написала «православной веры», вот. А какой веры мы были, я и не знаю. А по-моему, ижоры — православной веры’

[VPVж, Ко, Нv] (иж./рус.).

(31) *Я финка, у меня мама из Кайболова была.*

(32) *А мы с Мехметом ижоры, мы говорим по-ижорски.*

(33) *Я русская<sup>21</sup>, я крещена в кракольской церкви*  
[NPSж, Na, Na].

Примеры (31)–(33) были записаны от одной и той же информантки. Она использует для самоидентификации три разных критерия: язык, вероисповедание, а также происхождение и этническую принадлежность матери. При этом результаты применения этих критериев в данном случае не совпадают.

Такая ситуация представляется достаточно распространенной: в зависимости от конкретной ситуации социального взаимодействия, группа или отдельный человек в качестве средства самоидентификации подбирает определенную комбинацию социальных (этнических) маркеров: особенности речи, конфессиональную принадлежность, различные культурные практики.

## 5. Некоторые распространенные языковые стереотипы

Анализ собранного материала позволил выделить ряд языковых стереотипов и автостереотипов, распространенных среди носителей ПФЯ Нижней Луги. Эти стереотипы можно разбить на четыре группы:

- 1) лексические стереотипы;
- 2) фонетические стереотипы;
- 3) морфологические стереотипы;
- 4) стереотипы, связанные со смешением кодов.

По соотносительности с конкретным населенным пунктом их можно дополнительно разделить на две группы:

1) локальные стереотипы, которые характеризуют определенный населенный пункт или определенную группу (вне зависимости от места жительства информанта);

2) нелокальные («плавающие») стереотипы, когда выделить такую группу или населенный пункт не удастся.

Рассмотрим каждую из групп по отдельности.

---

<sup>21</sup> По данным А. Крюкова, работавшего в нижнелужском ареале еще в 1990-е годы, многие носители ижорского языка в беседе с ним также идентифицировали себя как *русских* (личное сообщение).

### 5.1. Лексические стереотипы

Нами были зафиксированы следующие распространенные лексические стереотипы (первым в паре указан автостереотип, вторым — стереотип):

- (34) *kissa* (Такавелье) vs. *kasi* (Куровицы) ‘кошка’ (ср. также (37));  
*perti* (Орлы) vs. *tupa* (деревни в устье Луги) ‘изба’;  
*što* (Орлы) vs. *jot* (деревни в устье Луги) ‘что’.

Вероятно, существуют и другие лексические стереотипы.

Первый из вышеупомянутых стереотипов примечателен тем, что куровицкому идиому приписывается слово из сойкинского диалекта. Во втором и в третьем случае можно, по-видимому, говорить только о различной степени частотности обоих вариантов в указываемых информантами идиомах. Второй пример был приведен информантом в качестве иллюстрации большей «финскости» более северных ижорских говоров в устье Луги, по сравнению с орловским говором. Третий пример, по мнению информанта, иллюстрировал «большее количество русских слов» в орловском и других южных ижорских говорах.

### 5.2. Фонетические стереотипы

Среди фонетических стереотипов можно отметить стереотипы, связанные с палатализацией и с дистрибуцией *s/z/š*, *h/Ø*, *o/ε*, *k/č*. Следует отметить, что именно существованием подобных стереотипов можно объяснить зарегистрированные ниже случаи гиперкоррекции.

Стереотип, связанный с дистрибуцией *s/z/š* возник в результате контаминации двух междиалектных соответствий:

1) *kuš(a) ~ kuš(ə)* (н.-л. ижорский) vs. *kuz(a)* (водский язык и куровицкий говор) ‘где’<sup>22</sup>;

2) [s]-образное или [š]-образное произнесение фонемы *s* (последнее характеризует сойкинский диалект).

В результате этого получается «тройное соответствие»:

---

<sup>22</sup> По-видимому, этот стереотип также отражает распространенность в водском языке и куровицком идиоме чередования *s : z*, в противоположность отсутствию данного чередования в нижнелужском ижорском (и в целом меньшей частотности звонких согласных в последнем).

(35) У нас говорят на «с», сойкинцы говорят на «ш»,  
а в Куровицах говорят на «з»  
[LAFМ, Нv, Нv].

Как результат гиперкоррекции под действием такого стереотипа можно квалифицировать порождаемые информантами формы \**kiza* и \**muža*, не существующие в реальности:

(36) *kiza* ‘кошка’ (о куровицком<sup>23</sup>) vs. *kiss(ə)* (Волково)  
[LKMЖ, Su, Su] ← *kuza* vs. *kuss(ə)*;  
*muža* ‘черный’ (о куровицком) vs. *must(ə)* (Б. Куземкино)  
[NPŠж, Na, Na], ср. действительное куровицкое *mussa*.

Во втором случае имела место и контаминация куровицких особенностей с сойкинскими (произношением шипящих вместо свистящих). Ср. еще в (37) форму *kazi* ‘кошка’, также приписываемую куровицкому говору. Такая форма отсутствует в нижнелужских говорах, но, как уже говорилось, имеется в сойкинском диалекте (фонологически /kasi/, фонетически [kazi ~ kaži]). В этом примере информантка (отец которой был ижором, а мать — вожанкой, оба из Межников) противопоставляет куровицкий говор как ижорскому, так и водскому.

(37) *Kukkusi-s ol-i-Ø «kazi», a me-i-l*  
Куровицы-IN быть-PST-3SG кошка а мы-PL-AD  
*ol-i-Ø «katti» — māmə-l ol-i-Ø «katti»*  
быть-PST-3SG кошка мама-AD быть-PST-3SG кошка  
*vad'd'əkkō; vad'd'əkkō ol-i-Ø «katti», a*  
водский водский быть-PST-3SG кошка а  
*ižorkə ol-i-Ø «kissə»*  
ижорский быть-PST-3SG кошка  
‘В Куровицах была *kazi*, а у нас была *katti* — у мамы было *katti* по-водски; по-водски было *katti*, а по-ижорски было *kissə*’  
[GIPж, Ra, Ra] (иж.).

В словаре [Posti, Suhonen 1980: 573] представлено шутивное прозвище куровицких, отражающее аналогичные стереотипы касательно их речи: *Kukkuzi muzā kizā kurissajad* ‘куровицкие душители

<sup>23</sup> В действительности в куровицком представлен вариант *kiss(ə)* ‘кошка’, идентичный волковской форме.



черной кошки’. Ср. приводимый там же действительный вариант этой фразы на куровицком говоре: [*Kukkuzi*] *musā kissā kurissajad* <Куровицы:GEN черный:GEN кошка:GEN душител:PL>.

Стереотип, связанный с дистрибуцией анлаутного *h*, существует в основном в районе Краколя. Он связан с тем, что ижорским и финским корням с начальным *h* часто этимологически соответствуют водские корни, где это *h* отпало.

В качестве примера можно привести стереотип, порожденный информанткой EFGж (Jo, Jo). Она хорошо различает водский и ижорский языки, при этом не говорит по-водски, хотя и может перечислять отдельные водские слова. В качестве соответствия ижорскому *hüpäta* ‘прыгать’ она привела гиперкорректное «водское» *üpäta* (при этом все местные водскоязычные информанты дали форму *hüpäta*<sup>24</sup>).

Дистрибуция *e* также способна порождать стереотипы. Эта фонема распространена в начальном корневом слоге в водском и эстонском языках. Ее этимологическими соответствиями в ижорском и финском являются *o* и (реже) *a*, *e*. В качестве примера можно привести следующий стереотип, записанный от вожан Песков и Лужиц: *e-b ē* (Пески, Лужицы) vs. *e-b õ* (Куровицы) <NEG-3SG быть> ‘нет, отсутствует’.

Стереотип, связанный с дистрибуцией *k/č*, также характерен для района Краколя. Палатализация праприб.-фин. *\*k > č* перед гласными переднего ряда — одна из характернейших особенностей водского языка, и этот факт осознается всеми жителями данного района. В наших материалах встретился интересный пример гиперкоррекции в представлениях ижор о языке вожан: *čiuča* ‘печь’ (о говоре дер. Пески [MFVж, Rū, Väi]), ср. с ижорским *kiukà* (в действительности ‘печь’ по-водски — *ahjo*). Отметим, что в данном случае палатализация приписывается в том числе и позиции перед гласным заднего ряда, где она в действительности невозможна.

Существуют и стереотипы, связанные с сохранением vs. вокализацией *g* в кластерах *\*gr*, *\*gl*. Они встречаются в основном в дер. Ванакюля и Калливере, а также на Курголовском полуострове.

---

<sup>24</sup> Следует отметить, что вариант без *h* существовал в исчезнувших центральноводских говорах.

Формы типа *kagla/kagl(ə)* ‘шея’, *kagra/kagr(ə)* ‘овес’ приписываются ижорам, а *kaula/kaul(ə)*, *kaura/kaur(ə)* — финнам (ср. с изоглоссой 1 в Таблице 4).

Следует упомянуть еще и «просодический» стереотип, касающийся различий между местными ПФЯ и русским языком, а также внутри самих ПФЯ:

- (38) *joka kŭlä-ssä... как joka sana-l on*  
 каждый деревня-IN каждый слово-AD быть.3SG  
*ударение toisellaine*  
 другой

‘В каждой деревне... как в каждом слове ударение другое’  
 [KEVж, Ku, Ku] (кур./рус.).

Многие информанты утверждали, что в ижорском (или водском) языке «много русских слов, только ударение другое».

*Примечание.* Не следует понимать здесь термин «ударение» буквально. Он обычно появляется в тех случаях, когда информант чувствует разницу в произношении слов, но не в состоянии сформулировать ее на уровне конкретных фонем. Это можно быть, как в данном случае, разница в произнесении (этимологически) «одного и того же слова» в различных идиомах или же различие в произнесении словоформ внутри одного идиома. Ср., например, попытку объяснения различия между «полными» и редуцированными глухими гласными нижнелужским информантом (а) или между долгими и краткими гласными — носительницей сойкинского диалекта (б):<sup>25</sup>

- (а) «*Miä e-n näe ke-tä? Kukko*». — «*Tämä on*  
 я NEG-1SG видеть кто-PART петух.PART это быть.3SG  
*kukkõ*». *Sūr-t rāznitsa ei uo, a*  
 петух большой-PART разница.PART NEG.3SG быть а  
*mikäle niku vot, miä e-n tije sanno*, ударение  
 что-то как.бы вот я NEG-1SG знать сказать.INF  
 ‘Я не вижу кого? Петуха’. — ‘Это петух’. Большой разницы нет,  
 а что-то как бы вот, я не знаю, {как} сказать, ударение’  
 [NDPм, Va, Va] (иж./рус.; пример записан Н. В. Кузнецовой).

- (б) *Вспомнила, как «ушат» — šāvi (...)* — *А если просто šāvi, то это «глина»? (соб.)*. — *Да, šāvi — это «глина» — а šāvi. Это на «а»*

<sup>25</sup> Хочу поблагодарить Н. В. Кузнецову, указавшую мне на подобные примеры.

букву ударенье. Оно слово почти одинаковое, но ударенье ставится по-другому

[АЈФж, На, На] (рус./иж.; пример записан Н. В. Кузнецовой).

### 5.3. Морфологические стереотипы

Сюда мы отнесем употребление в 3SG презенса отрицательного глагола формы *eb* или *ei*. Многие информанты, как в районе Краколя, так и в районе дер. Кейкино, характеризуя диалект дер. Куровицы, обращали внимание на противопоставление вариантов отрицательного глагола *ei ò* (Кейкино) vs. *eb ò* (Куровицы) ‘нет, отсутствует’. Подобные пары упоминались и самими жителями Куровиц.

### 5.4. Стереотип, связанный с переключением кодов

В деревнях Коростель и Венекюля, по словам некоторых информантов, говорили на «смешанном языке», причем в большинстве случаев в качестве примера приводилась одна и та же фраза:

- (39) *He бeгай босиком, säre-d palentù-d*  
голень-PL мерзнуть-3PL  
‘Не бегай босиком, ноги замерзнут’  
(рус./иж.).

Эта фраза была известна как жителям самих этих деревень, так и в других населенных пунктах (например, в Кейкино).

### 5.5. Локальные стереотипы

Эти стереотипы относятся к определенному языку или к говору конкретной деревни или группы деревень, в основном Куровиц, Краколя и Сойкинского полуострова. К этому классу относятся все приведенные выше примеры стереотипов.

### 5.6. «Плавающие» стереотипы

Интересным примером такого стереотипа является палатализация согласных: по мнению информантов из Куровиц, у них говорят *puteli* ‘бутылка’, в противоположность волковскому *put'eli*. Аналогичные примеры можно найти и в других деревнях. Обычно вариант с непалатализованной согласной приписывается своей деревне, а с палатализованной — соседней, ср. (40). Однако изредка встречаются и обратные случаи, ср. сопоставление ванакульского ижорского говора с финским языком в (41).

- (40) *me-i-l latik̄ kutsu-tti «latikkə», a*  
 мы-PL-AD лещ называть-IPS.PST лещ а  
*Laukansū-s ol-i-Ø «lat'ikkə», их так и дразнили:*  
 Усть-Луга-IN быть-PST-3SG лещ  
*«lat'ik̄, Laukansū-n lat'ik̄»*  
 лещ Усть-Луга лещ  
 ‘У нас леща называли *latikkə*, а в Усть-Луге был *lat'ikkə*, их так и дразнили: «лещ, усть-лужский лещ»’ {с палатализованным *t'*}.  
 [GIPж, Ra, Ra] (иж.).

- (41) *To on «tüttö», по-фински «tüttö», a me-i-l'*  
 быть.3SG девушка девушка мы-PL-AD  
*on как бы «t'üttö». — Мягкий? (соб.). — t'üttö. Мягкий*  
 быть.3SG девушка девушка  
*какой-то, да, t'üttö.*  
 девушка  
 ‘То *tüttö*, по-фински *tüttö*, а у нас как бы *t'üttö*. — Мягкий?  
 (соб.). — *t'üttö*. Мягкий какой-то, да, *t'üttö*’.  
 [NDPм, Va, Va] (рус./иж.; пример записан Н. В. Кузнецовой).

Таблица 8 иллюстрирует зафиксированные виды стереотипов.

Таблица 8. Виды стереотипов, зафиксированные на Нижней Луге

	Локальные	Плавающие
Фонетические	+	+
Морфологические	+	
Лексические	+	
Переключение кодов		+

Наконец, говоря о стереотипах, нельзя не упомянуть представления информантов о происхождении их языка. Можно выделить три основные версии, распространенные среди информантов.

1. Местный язык – это «смесь» финского и эстонского (с добавлением русских слов). Эта версия наиболее распространена на Курголовском полуострове.

2. Местный язык происходит от шведского. Эта версия была зафиксирована нами несколько раз среди носителей водского языка:

(42) *šveda* язык *jä-i-Ø* *me-i-le* *tänne*  
швед:GEN оставаться-PST-3SG мы-PL-ALL сюда  
'Шведский язык остался у нас здесь'  
[ZVSж, Li, Li] (вод./рус.).

3. Местный язык – это «угро-финский» язык. Эта версия распространена среди носителей всех ПФЯ Нижней Луги.

## 6. «Народная диалектология» и диалектное членение нижнелужского ареала

Как же соотносятся между собой «научная»<sup>26</sup> и «народная» диалектные классификации нижнелужского ареала? В первом приближении можно сказать, что они в основном совпадают. В частности, это касается отграничения сойкинско-ижорского диалекта от нижнелужского, выделения куровицкого говора как особого идиома, осознания существования двух языков в Краколье, разницы между калливересским и ванакульским говорами, и небольшой разницы между ижорскими говорами куземкинской и кейкинской зон.

Перейдем теперь к важнейшим отличиям между этими двумя классификациями. В отличие от «научной», «народная» классификация является локальной. Как правило, поселения, находящиеся достаточно далеко от деревни рождения или проживания информанта, в его классификацию не попадают, либо информация о них носит достаточно размытый характер.

В некоторых случаях информанты считают, что говор соседней деревни отличается от их собственного в большей степени, чем говор какой-то более отдаленной деревни, хотя с лингвистической точки зрения ситуация обратная (ср., например, оценки информантов из Новой Деревни говоров Ропши и Ванакюли в 4.2). По-видимому, такие представления в основном связаны с меньшей известностью для информантов более удаленного говора.

Иногда же, наоборот, реально существующие различия между соседними говорами не замечаются. Например, отличия

---

<sup>26</sup> О лингвистической классификации идиомов Нижней Луги подробнее см. [Муслимов 2005, гл. 3]. Предварительное деление на группы говоров нижнелужского ижорского языка представлено на Карте 5 Приложения 6.

говора информанток ЛТФж и ЛТРж с хутора Пихлакас от общекалливересского отмечаются только ими самими, но не информантами из Калливере (п. 4.3). Ср. также частотность оценок жителями района дер. Кейкино финского говора Федоровки как сравнительно близкого своему идиому (п. 4.3, Таблица 2).

«Народная» диалектология дает неоднозначные результаты и для информантов смешанного происхождения, как это было показано выше в разделах, касающихся долины р. Россони и кракольского ареала (пп. 4.4, 4.5). Все же подобные колебания возникают обычно лишь в том случае, когда идиолект такого информанта и с диалектологической точки зрения является «смешанным» кодом (см., например, ТПВж из Краколя или JJVm из Ванаяули).

Кроме того, влияние на «народную» классификацию могут оказывать и представления информантов о «включенности» одной группы в другую. С диалектологической точки зрения, водский язык не может считаться диалектом ижорского, однако в сознании части местных жителей водь входит в состав ижоры (см. примеры (12)–(13) в п. 4.5).

Таким образом, «народная» классификация оказывается зависящей не только от реальных различий между местными говорами, но и от ряда других факторов — географической удаленности идиомов друг от друга, их престижности, конфессиональной принадлежности говорящих и т.д.

Тем не менее, как было показано выше, нижнелужские информанты различают отдельные локальные говоры, а также отдельные ПФЯ. Более того, они осознают многие конкретные лингвистические особенности локальных говоров — это касается не только стереотипов, которые, как правило, спонтанно формулируются информантами в ходе беседы, но и ответов на вопросы диалектологической анкеты. В некоторых случаях нам удавалось записать от информанта вполне достоверные лингвистические сведения не только о том идиоме, который он считает своим, но и об известном ему соседнем идиоме.

## 7. Использование «народной диалектологии» как критерия для отграничения заимствований от переключения кодов и интерференции

«Народная диалектология» представляет интерес *per se*, однако помимо этого она может использоваться как важный социолингвистический критерий для выделения случаев заимствований, переключения кодов и языковой интерференции в нижнелужском ареале. Длительные и интенсивные контакты между четырьмя близкородственными ПФЯ и русским языком привели к тому, что все эти явления крайне распространены на Нижней Луге. Одновременно разграничение между разными типами контактных явлений в данном ареале представляет из себя особенно сложную проблему в силу большого структурного сходства местных ПФЯ между собой.

Так, здесь часто оказывается невозможным применение структурных критериев. Например, такого, как наличие морфологической, морфонологической и фонологической адаптации «чужой» лексемы в случае заимствования, в отличие от отсутствия подобной адаптации при переключении кодов и интерференции [Poplack 1980]. Лексеме, заимствуемой, например, в водский язык из ижорского или финского, может не требоваться никакой адаптации. В частности, в XIX веке в говоре дер. Краколье существовала лексема *kahči* ‘береза’ [Adler, Leppik 1994: 30], но к настоящему времени она полностью вытеснена ижорско-финским *koivu* [Adler, Leppik 1994: 199; Tsvetkov 1995: 111], которое прекрасно вписывается в фонологическую систему водского языка и в адаптации не нуждается.

Помимо этого, возможна ситуация, когда морфологически адаптированное чужое слово существует параллельно со старым. Например, информантка ТВЖ из Краколья употребляет «ижорский» глагол *muistà* <помнить.INF>, причем спрягает его по правилам водского языка: *muissə-b* <помнить-3SG> ‘он помнит’, вместо ожидаемого ижорского варианта *muistà* <помнить.3SG>. Казалось бы, в данном случае мы можем говорить о заимствовании, однако в речи этой же самой носительницы встречается и «водский» глагол *mälehtà* <помнить.INF>.

Еще более показательный пример мы обнаруживаем для существительных. Так, в речи одного и того же информанта могут

встретиться все четыре возможные комбинации водского и ижорского корня с водским и ижорским падежным показателем. Ср. встречающиеся в публикации Х. Хейнсоо примеры вариантов словоформы <деревня-EL> ‘из деревни’ из речи водскоязычной информантки, родившейся и проживавшей в дер. Краколье:

- (43) 1) *tšülä-š* водский+водский;  
2) *tšülä-st* водский+ижорский;  
3) *külä-š* ижорский+водский;  
4) *külä-st* ижорский+ижорский  
[Heinsoo 2003].

Для тех случаев, когда фонологически не адаптированное слово подвергалось морфологической адаптации, Ш. Поплак ввела понятие «окказионального заимствования (nonce borrowing)» [Poplack et al. 1988] и не рассматривала такие вставки в матричный язык как переключение кодов. При этом те случаи, когда имела место только фонологическая или синтаксическая адаптация, Поплак интерпретирует как переключение кодов. В примере (43), применяя критерии Поплак, мы должны признать существование двух фонетических вариантов одной и той же лексемы, принадлежащих одновременно и ижорскому, и водскому языкам (т.е. как *külä*, так и *čülä* оказываются одновременно и водскими, и ижорскими лексемами). Однако это явно противоречит представлениям информантов о разнице между ижорским и водским языками. В п. 5.2 упоминался существующий среди носителей ПФЯ стереотип, позволяющий отделить водский язык от ижорского на основании соответствия *k/č*.

Аналогичная проблема возникает, например, в случае применения критерия Поплак к водским, ижорским и финским топонимам и их соответствиям в русском языке. В наших материалах встречаются следующие случаи:

- (44) 1) *Födermā-l* <Федоровка-AD> ‘в Федоровке’: ПФЯ-топоним + ПФЯ-суффикс;  
2) *с Федоровки*: русский топоним в русском грамматическом оформлении;  
3) *Федоровка-s* <Федоровка-IN> ‘в Федоровке’: русский топоним + ПФЯ-суффикс  
[NSNж, Lu, Lu] (иж./рус.).



Если интерпретировать последний случай как заимствование, то тогда в местных ПФЯ все топонимы будут иметь по два, а в некоторых случаях и три варианта. Однако информанты четко разделяют топонимы на ПФЯ и на русском языке, ср. (45).

- (45) <...> *täs Narusi-š — a, Kuz'omkina-š, Kuz'omkina-š.*  
 здесь Куземкино-IN Куземкино-IN Куземкино-IN  
*Narusi-š, «Narusi» on ižorka-n*  
 Куземкино-IN Куземкино быть.3SG ижорский-GEN  
*kiele-š, suome-n kiele-šä, «Kuz'omkina» on*  
 язык-IN финский-GEN язык-IN Куземкино быть.3SG  
*venäjä-n*  
 русский-GEN

‘Здесь в *Narusi* — а, в Куземкине, в Куземкине. В *Narusi*, «*Narusi*» — по-ижорски, по-фински, «Куземкино» — русское’  
 [ЕТФм, Км, На] (иж., фин./рус.).

С другой стороны, в речи носителей ПФЯ Нижней Луги могут встречаться и такие морфологически не адаптированные русские словоформы, для которых в этих ПФЯ не существует точного эквивалента, ср. (46):

- (46) <...> *Mokomain koirä piä-b poiz*  
 такой собака быть.нужным-3SG прочь  
*ликвидировать*

‘Такую собаку надо ликвидировать’  
 [АКЕм, Lu, Lu] (вод./рус.).

Основываясь на всех этих данных, мы не можем использовать морфологическую интеграцию как решающий критерий для различения заимствований и переключения кодов.

Предлагались и другие критерии для выделения заимствований. Одним из таких критериев могла бы служить речь монолингвов: те элементы, которые встретились бы не только у билингвов, но и у монолингвов, следовало бы считать заимствованиями [Sridhar, Sridhar 1980]. В нашем случае этот критерий может иметь только крайне ограниченное применение, поскольку все информанты являются как минимум билингвами. Кроме того, для некоторых деревень (например Ванакюли, Куровиц, см. пп. 4.4, 4.6) характерен идиолектный континуум, т.е. каждый идио-

лект является уникальным сочетанием различных структурных параметров. Поэтому информация о речи других говорящих ничего не дает для выделения заимствований в идиолекте данного конкретного информанта.

К. Пфафф предлагает следующую процедуру для выделения заимствований. Если слово языка L2 встретилось в окружении слов языка L1, то необходимо проверить:

- 1) существует ли эквивалент в L1 для слова из L2;
  - 2) если существует, то употребляется ли носителями языка;
  - 3) известен ли данный эквивалент данному носителю L1;
  - 4) относит ли сам носитель данное слово к L1
- [Pfaff 1979: 297].

Фактически данная процедура является наполовину социолингвистической и учитывает «народную диалектологию». Проверка третьего и четвертого условий опирается на языковую интуицию носителя языка и может быть осуществлена посредством опроса по специальному вопроснику. Поскольку структурные критерии выделения заимствований часто не дают никакого результата в применении к ПФЯ Нижней Луи, основной становится опора на языковую интуицию носителей относительно принадлежности той или иной формы к «своему» языку. Как было показано выше, для нижнелужских информантов характерна высокая степень осознания отличий между близкородственными идиомами в своем ареале. Это и позволяет использовать их точку зрения в качестве критерия отграничения заимствований от переключения кодов и интерференции.

Применение подобного критерия, в частности, приводит к тому, что мы допускаем существование таких заимствований, которые характерны только для отдельных идиолектов. В ситуации идиолектного континуума такое положение дел представляется вполне естественным.

Что касается контактных явлений между нижнелужскими ПФЯ и русским языком, то здесь следствием опоры на точку зрения информантов является тот факт, что «русская» словоформа может считаться заимствованием в случае полной морфологической, фонетической и синтаксической интеграции, включая участие данного слова в чередованиях и передвижение ударения на первый слог. Как уже говорилось в п. 5.2, информанты обычно

довольно отчетливо разграничивают заимствования из русского языка в своем идиоме и их русские оригиналы, описывая разницу в произношении, как правило, через «ударение». Одновременно отсутствие какой-либо адаптации (как в примере (46)) на основании данного критерия следует считать признаком переключения кодов или интерференции даже в том случае, если в L1 есть «лексическая лагуна».

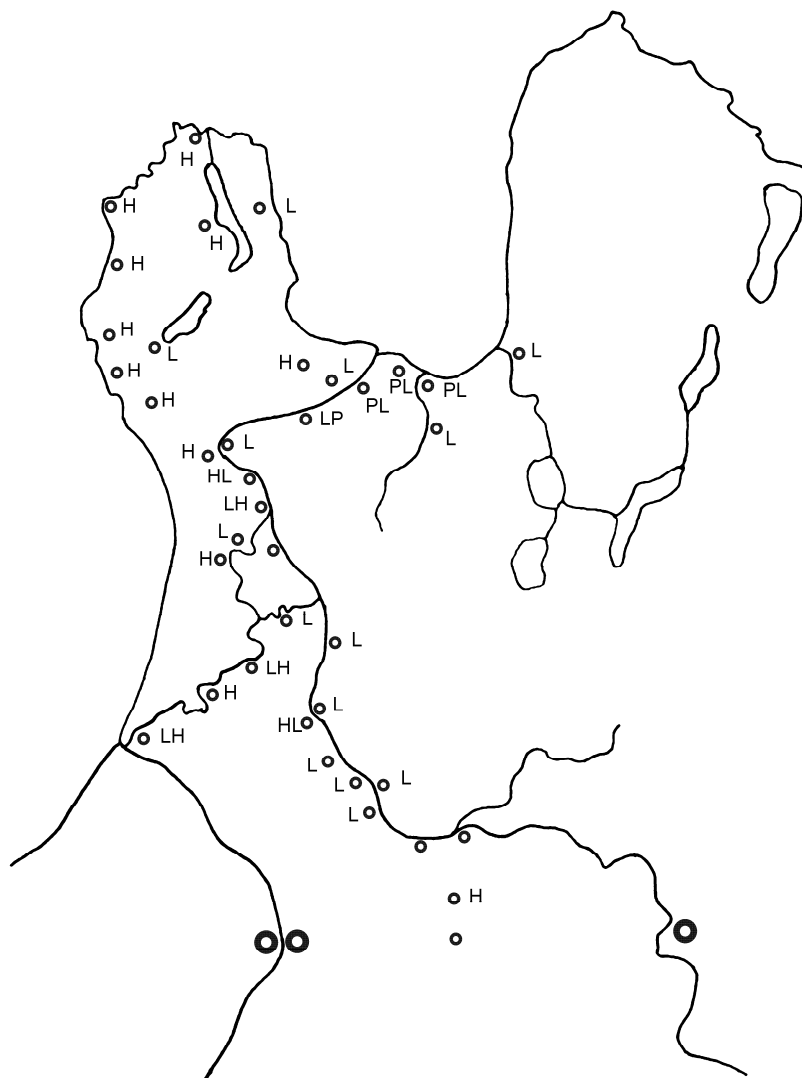
### Литература

- Адлер Э. 1966. Водский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Академия наук СССР; Институт языкознания. С. 118–137.
- Брайт У. 1975. Введение: параметры социолингвистики // Н. С. Чемоданов (ред.) Новое в лингвистике 7. Социолингвистика. М.: Прогресс С. 34–41.
- Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. 1997. Диалектологический атлас карельского языка — Karjalan kielen murrekartasto. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura
- Головко Е. В. 2001. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии. Вып. 1. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. С. 298–316.
- Каск А. Х. 1966. Эстонский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Академия наук СССР; Институт языкознания. С. 35–60.
- Конькова О. И. 2009. Водь. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН
- Лаанест А. 1966. Ижорский язык // В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М.: Академия наук СССР; Институт языкознания. С. 102–117.
- Маркус Е. Б., Рожанский Ф. И. 2007. Феномен куровицкого идиома // XXXVI Международная филологическая конференция. 12–17 марта 2007 г. Санкт-Петербург. Материалы. Вып. 9. Уралистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ. С. 61–75.
- Мусаев В. И. 2009. Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине XIX — первой половине XX в. Санкт-Петербург: Нестор.
- Муслимов М. З. 2003. Финско-водские языковые контакты в окрестностях дер. Котлы (Кингисеппский р-н Ленинградской области) // М. Е. Алексеев, А. Е. Кибрик, А. И. Кузнецова, Д. И. Эдельман, Т. Б. Агранат, В. Ю. Гусев (ред.). I Международный симпозиум по полевой

- лингвистике. Тезисы докладов. Москва — 23–26 октября 2003 г. М.: Институт языкознания РАН. С. 106–107.
- Муслимов М. З. 2005. Языковые контакты в Западной Ингерманландии (нижнее течение реки Луги). Дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН.
- Оценочно-статистическое бюро Санкт-Петербурга Санкт-Петербургского Губернского земства. Материалы к оценке земель Санкт-Петербургской губернии. Т.1. Ямбургский уезд. Вып. 2. 1904. СПб.
- Хейнсоо Х. 1995. Водь и ее этнокультурное состояние // М. Йокипии (сост.). Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Ювяскюля: Атена. С. 168–182.
- Чекмонас В. 1988. Функционирование языков и билингвизм. На материале рамашканских говоров // *Lietuvių Kalbotiras klausimai XXVII. Lietuvių kalba ir bilingvizmas*. Vilnius. L. 37–53.
- Adler E., Leppik M. (toim.). 1990. *Vadja keele sõnaraamat I (A–J)*. Tallinn: Keele ja kirjanduse instituut.
- Adler E., Leppik M. (toim.). 1994. *Vadja keele sõnaraamat II (K)*. Tallinn: Eesti keele instituut.
- Ariste P. 1982. *Vadja pajatusi*. Tallinn: Valgus. (Emakeele Seltsi Toimetised 18).
- Golovko E. V. 2003. Language contact and group identity: The role of ‘folk’ linguistic engineering // Y. Matras, P. Bakker (eds.). *The mixed languages debate: Theoretical and empirical advances*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. P. 177–208.
- Heinsoo H. 2003. *Votian 2* [Публикация записи 1992 г. от О. Шумиловой] // [http://www.l.u-tokyo.ac.jp/~kmatsum/texts/finnic/Votian\\_2.html](http://www.l.u-tokyo.ac.jp/~kmatsum/texts/finnic/Votian_2.html).
- Hoeningwald H. M. A proposal for the study of folk-linguistics // *Sociolinguistics*. The Hague; Paris, 1966. P. 16–20.
- Järvinen I.-R. 1990. *Aili Laihon päiväkirja Viron Inkeristä kesällä 1937* // P. Laaksonen, S.-L. Mettomäki (toim.). *Inkerin teillä*. (Kalevalaseuran vuosikirja 69). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura. S. 15–45.
- Junus V. I. 1936. *Ižoran keelen grammatika. Morfologia*. Opettajaa vart. Leningrad; Moskova: Ucpedgiz.
- Kettunen L. 1915. *Vatjan kielen äännehistoria*. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.
- Köppen P. von. 1867. *Erklärender Text zu der ethnographischen Karte des St.-Petersburger Gouvernements*. St.-Petersburg: K. Akademie der Wissenschaften.
- Krjukov A. 2007. Jaaman Suokylän vaiheista // *Inkeri* 4 (65). S. 13.
- Laiho L. 1940. *Viron Inkeri kansanrunouden maana* // *Virittäjä* 3. S. 218–236.
- Mägiste J. 1923a. *Eesti Ingeri* // *Odamees* 1 (5). Lk. 8–9.
- Mägiste J. 1923b. *Viron Inkeri* // *Suomen Heimo* 1.VII, 4. S. 98–102.

- Nirvi R. E. (toim.). 1971. Inkeröismurteiden sanakirja. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 18). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Öpik E. 1970. Vadjalastest ja isuritest XVIII saj. lõpul. Ethnograafilisi ja lingvistilisi materjale Fjodor Tumanski Peterburi Kubermangu kirjelduses / A. Viires (ed.). Tallinn: Valgus.
- Pfaff C. W. 1979. Constraints on language mixing: Intrasentential code-switching and borrowing in Spanish-English // *Language* 55, 2. P. 291–318.
- Poplack S., Sankoff D., Miller C. 1988. The social correlates and linguistic processes of lexical borrowing and assimilation // *Linguistics* 26, 1. P. 47–104.
- Poplack S. 1980. «Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español»: Toward a typology of code-switching // *Linguistics* 18, 7/8. P. 581–618.
- Porkka W. 1885. Ueber den ingrischen Dialekt mit Berücksichtigung der übrigen finnisch-ingermanländischen Dialekte. Helsingfors: J. C. Frenckell & Sohn.
- Posti L, Suhonen S. 1980. Vatjan kielen Kukkosin murteen sanakirja. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 19). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura.
- Sridhar S. H., Sridhar K. K. 1980. The syntax and psycholinguistics of bilingual code mixing // *Canadian Journal of Psychology* 34, 4. P. 400–406.
- Suhonen S. 1985. Wotisch oder Ingrisch? // W. Veenker (ed.). *Dialectologia Uralica. Materialien des ersten Internationalen Symposiums zur Dialektologie der uralischen Sprachen 4.-7. September 1984 in Hamburg.* (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 20). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. P. 139–148.
- Tsvetkov D. 1925. Vadjalased // *Eesti keel* 4, 1–2. Lk. 39–44.
- Tsvetkov D. 1995. Vatjan kielen joenperän murteen sanasto / J. Laakso (toim.). (Lexica Societatis Fenno-Ugricae 25; Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu 79). Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus.

Карта 1. Глаголы речи в прибалтийско-финских идиомах  
нижнелужского ареала



Примечания. H — *hāstà* ~ *hāsta*; L — *lātä* ~ *lät(ə)*; P — *pajattà* ~ *pajatta*.